

Джоанна
МИЛЛЕР

ВОСЬМЕРКИ

В переводе Ольги Толей

ПЕРВЫЕ
СТУДЕНТКИ
ОКСФОРДА:

ИСТОРИЯ
СМЕЛОСТИ
И ДРУЖБЫ

18+

У

Строки. Historeal

Джоанна Миллер

Восьмерки

«Строки»

2025

Миллер Д.

Восьмерки / Д. Миллер — «Строки», 2025 — (Строки. Historeal)

ISBN 978-5-00216-500-1

Оксфорд, 1920 год. Впервые за свою тысячелетнюю историю Оксфордский университет официально принимает женщин. Горя мечтой о равенстве, туда поступают четыре молодые девушки: Беатрис, Дора, Марианна и Отто. Разные судьбы, характеры и социальное происхождение. Казалось бы, их ничего не связывает. Ничего, кроме крепкой (и неожиданной) дружбы. Среди исторических шпилей и в длинной тени Первой мировой войны четыре женщины должны искать свое место (а часто и отстаивать его), поддерживая друг друга в беспокойном мире.

ISBN 978-5-00216-500-1

© Миллер Д., 2025

© Строки, 2025

Содержание

Осенний Триместр	6
1	6
2	11
3	16
4	20
5	27
6	35
7	40
8	45
9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джоанна Миллер

Восьмерки

Copyright © 2025 by Joanna Miller

© Джоанна Миллер, 2025

© Ольга Полей, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2025

Дизайн обложки и иллюстрация *Натальи Савиных*

* * *

Дарси, Джексону и Арчи

* * *

Любые серьезные изменения встречают сопротивление на своем пути, поскольку они подрывают сам фундамент привилегий.

Лукреция Мотт (1793–1880)

Многие были бы трусами, будь у них достаточно смелости.

Томас Фуллер (1608–1661)

Оксфордский университет, основанный в XI веке, – старейший англоязычный университет в мире. Первые мужские колледжи появились двести лет спустя. В 1602 году при университете открылась всемирно известная Бодлианская библиотека, и в течение следующих трех столетий Оксфорд приобрел известность как центр выдающихся мужских достижений в науке.

В конце 1800-х годов все больше женщин стали съезжаться в город, стремясь получить оксфордское образование. Появились четыре независимых женских колледжа, а также Общество домашних учениц.

Первое время женщины учились отдельно. Понадобились годы, чтобы добиться для них разрешения заниматься вместе с мужчинами, посещая лекции под присмотром сопровождающей. Они сдавали те же экзаменационные работы, однако получать ученые степени им не разрешалось, а мужчины-преподаватели могли отказаться их обучать. Их достижения оставались во многом невидимыми.

Все изменилось лишь после окончания Первой мировой войны, когда женщины получили право голоса. В 1920 году первые студентки приняли участие в старинной церемонии – так называемой матрикуляции, – сделавшись таким образом полноправными членами университета.

Это стало торжеством для одних и горьким разочарованием для других. До настоящего равенства было еще идти и идти.

Осенний Триместр

1

Четверг, 7 октября 1920 года (нулевая неделя)

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФОРМА ОДЕЖДЫ

На лекциях и занятиях, а также при входе в любое здание университета студентки должны быть одеты в студенческую мантию и шапочку утвержденного образца. Это касается и университетской церкви, и библиотек.

Также студенткам надлежит носить университетскую форму, когда они выходят в город после ужина, если только они не идут по приглашению в частный дом.

На экзамены следует надевать под мантию специальную одежду, а именно: темный жакет, юбку и белую блузку с черным галстуком. Туфли и чулки должны быть черными.

В иных случаях под мантию рекомендуется надевать либо темный жакет и юбку, либо темное платье. Яркие и светлые цвета не допускаются.

Студентки должны оставаться в шапочках, даже когда студенты-мужчины их снимают, – например, во время университетских церемоний.

Шапочки и мантии можно заказать у оксфордских портных, а также в фирме господ Эде и Равенскрофта, Лондон, Чансери-роуд, 93–94. Студентки, имеющие ученое звание, должны носить не студенческие, а профессорские мантии.

Мисс Э. Ф. Журден, директор

Ну и чудная же штука эта шерстяная шапочка. Мягкая, но заостренная со всех четырех углов, без полей – только толстая фетровая лента, пристегнутая на пуговицы по обоим сторонам. Где должна быть эта лента – спереди или сзади? Поди знай. Ясно одно: в этой шапочке она смахивает на какого-то щекастого придворного эпохи Тюдоров с портрета Ганса Гольбейна¹, и это явно не то впечатление, на которое был расчет.

Но, несмотря на чудную шапочку, Беатрис Спаркс все еще с трудом верится, что она проснулась не в захлавленном особняке в Блумсбери, где провела до этого двадцать один год, а в совсем новом месте. Прощаясь накануне вечером с отцом, она чувствовала себя листком бумаги, который сложили пополам и небрежно разорвали по сгибу. Получились две маленькие странички – две уменьшенные Беатрис, и обе с неровными, обмахрившимися краями. Первый день в Сент-Хью – это ее шанс переписать одну из страничек заново.

Зеркало на стене в спальне такое маленькое, что Беатрис приходится пятиться в другой конец комнаты, чтобы увидеть себя целиком. Мантия, выписанная по почте, облегает ее талию, а не бедра, как предписано правилами, да еще и в плечах жмет. Видимо, придется купить новую, мужского размера. Но Беатрис уже привыкла к тому, что вещи ей вечно не подходят. Вот и ночью, когда она пыталась заснуть, ноги то и дело застревали между холодными металлическими перекладинами кроватной спинки. В самом деле, заурядной женщиной Беатрис

¹ Ганс Гольбейн Младший (1497–1543) – немецкий рисовальщик, гравер, придворный живописец короля Генриха VIII. Здесь и далее прим. ред.

никак нельзя назвать: от отца она унаследовала шестифутовый рост, а от матери – горячую страсть к политике.

Быть дочерью бывшей студентки колледжа – это, пожалуй, уже нечто особенное. Мать Беатрис – дама весьма известная: воинствующая суфражистка, последовательница миссис Панкхёрст², участница голодовки-протеста и сторонница равноправия женщин в сфере образования. Поэтому само собой разумеется, что Беатрис будет подавать заявление в Оксфорд, независимо от того, удастся ли ей пройти матрикуляцию. К счастью – и к радости матери, – сбылось и то и другое. Большинство женщин (да и мужчин) побаиваются Эдит Спаркс, и, как Беатрис знает по собственному опыту, угодить ей трудно. Благодарение Богу, ее муж после двадцати лет брака все еще без ума от нее.

Сегодня необычный день. Вообще-то Беатрис не из тех, кто способен войти в историю. Она, правда, была свидетельницей того, как история творится, – мама об этом позаботилась, – но чаще лишь наблюдала со стороны. Да, Беатрис свободно владеет древнегреческим языком, да, она разводила орхидеи в собственной теплице, присутствовала на дебатах в палате общин и отстукивала на машинке письма в защиту сербских сирот, но жить бок о бок с другими девушками ей до сих пор не приходилось. Она единственный ребенок в семье и совершенный уникум в одном – у нее никогда не было подруг-ровесниц. Все, что она знает о дружбе, почерпнуто из наблюдений за отношениями ее матери с другими людьми. И кажется, эти отношения схожи с какао: то слишком крепкие, то слишком слабые, то портятся, если о них забыть. А иные могут и язык обжечь.

Выглянув из своего окна на первом этаже, Беатрис видит одинокого лесного голубя: он мерит шагами лужайку, будто что-то потерял, и его пурпурно-серое оперение отчетливо выделяется на фоне мокрой травы. Глотая холодный тост с яйцом, оставленный служительницей в качестве завтрака, Беатрис слышит приглушенную возню в соседних комнатах. Очевидно, другие обитательницы коридора номер восемь тоже с трудом пропихивают кусочки тостов в пересохшее горло, застегивают пуговицы на тесных белых блузках, поправляют черные галстуки и разглаживают складки на студенческих мантиях. Они, так же как и Беатрис, сейчас отправятся в самое сердце города, в Школу богословия, где в десять часов утра станут первыми женщинами, прошедшими матрикуляцию в Оксфордском университете.

– Доброе утро. Меня зовут Беатрис Спаркс, – говорит Беатрис своему отражению. Затем делает глубокий вдох и протягивает руку к шапочке.

* * *

В соседней комнате Марианна Грей раздумывает, как ей сказать директору колледжа Сент-Хью, что она уже на второй день решила бросить учебу.

Несмотря на то что здание колледжа построено специально для студентов, причем всего лишь четыре года назад, угловая комната Марианны с двумя внешними стенами явно продувается насквозь. Ночью матрас, словно недовольный тем, что на нем лежат, выдыхал холод всякий раз, когда она ворочалась и металась, а на указательном пальце ее левой руки уже зловеще зудит красное пятнышко. К сожалению, ее именная стипендия – двадцать фунтов в год – хотя и весьма радует, однако не позволяет раскошелиться на лишнее ведро угля, так что придется довольствоваться теплом от огня, который служительницы разжигают дважды в день, – если она решит остаться, конечно. Вот такой перед ней стоит выбор: учиться в колледже Сент-Хью, продвигаясь к цели всей своей жизни и продолжая громоздить одну ложь на другую, либо

² Эммелин Панкхёрст (1858–1928) – британская общественная и политическая деятельница, лидер движения суфражисток. В борьбе за избирательные права женщин она и ее сторонники организовывали митинги и марши протеста, попадали под арест, устраивали голодовки.

отказаться от этой дурацкой затеи, вернуться в дом отца – приходского священника, и еще три года упражнять мозги, преподавая в воскресной школе и составляя приходской информационный бюллетень. Интересно, что сейчас делает отец? Может, готовит проповедь или завтракает пончиками, щедро намазанными кислым-прекислым крыжовниковым вареньем, которое Марианна варила летом. Миссис Уорд, у которой по четвергам выходной, наверное, поехала с внучкой к друзьям в Абингдон.

Марианна бросает взгляд на одинокую открытку, стоящую на каминной полке. На ней изображена Прозерпина кисти Габриэля Россетти³, стыдливо склонившая голову над зажатым в руке надкушенным гранатом. Она, Марианна, в точности как эта богиня подземного мира, поддалась искушению (в ее случае – соблазну трехлетней учебы) и теперь должна заплатить за это разлукой с домом на целых полгода. Впрочем, на этом сходство между ними и заканчивается. Марианна прекрасно понимает, что никакая она не богиня и не романтическая героиня. Пусть ее и окрестили в честь Марианны из романа Джейн Остин, но той страсти и энергии, что у тезки, в ней и в помине нет. Увы, у нее гораздо больше общего с Марианой Теннисона⁴ – той несчастной, что сидела под замком в башне, сходя с ума от страсти и ожидания. И уж конечно, ни одной из этих героинь не приходилось беспокоиться о цене на уголь... или об обмороженных пальцах.

Глядя в зеркало, Марианна видит ничем не примечательную девушку с тяжелыми веками, плоской грудью и волосами цвета жидкого чая. Девушку в подержанной студенческой мантии, в туфлях, которые ей не совсем по ноге, вступающую в жизнь... не вполне свою.

* * *

В комнате напротив Марианниной Теодора Гринвуд, которую родные и друзья ласково называют Дорой, мысленно поздравляет себя с тем, что ее одежда полностью соответствует требованиям к студенческой парадной форме Оксфорда, хотя внимательный глаз мог бы заметить искусно завязанную на шее черную ленту и приколотую к лацкану серебряную брошь с бриллиантовой крошкой. Длинные, по пояс, волосы туго заколоты, ни одна прядь не выбивается из прически.

Как легко и просто жилось бы на свете, размышляет Дора, будь у нее и внутри все в таком же образцовом порядке. Если бы брат мог видеть ее сейчас, он посмеялся бы над ее квадратной шапочкой, назвал бы ее старой девой и надвинул шапочку ей на глаза. Бедный Джордж! Сейчас он уже окончил бы Джебзус⁵ и управлял типографией вместе с отцом. Но если бы Джордж пережил битву при Камбре⁶ и все последующие смертельные опасности, она здесь вообще не оказалась бы: отец бы ни за что этого не допустил. Другая, провинциальная Дора, вероятно, день за днем разливала бы чай, играла в вист или демонстрировала наряды в церкви (и ни слова о романах, Дора!).

³ «Прозерпина» – картина, написанная английским художником и поэтом Данте Габриэлем Россетти в 1874 году. Прекрасную Прозерпину похитил и сделал своей женой бог царства мертвых. Вернуться в царство живых она могла при условии, что не принимала никакой пищи в подземном мире. Однако Прозерпина успела съесть шесть зернышек граната, символизирующего брак. С тех пор она проводит шесть месяцев на земле – и тогда мир согревается и расцветает в солнечных лучах, и шесть месяцев с мужем – и тогда на земле воцаряются печаль и холод.

⁴ Имеются в виду Марианна Дэшвуд – героиня романа английской писательницы Джейн Остин «Разум и чувства» (1811) и Мариана – героиня одноименного стихотворения 1830 года английского поэта Альфреда Теннисона.

⁵ Джебзус, или Колледж Иисуса (Jesus College), – один из колледжей Оксфордского университета, основанный королевой Елизаветой I в 1571 году.

⁶ Битва у французского города Камбре, продлившаяся с 20 ноября по 7 декабря 1917 года, – крупномасштабное столкновение британских и германских войск во время Первой мировой войны, в котором с обеих сторон погибло около 20 тысяч человек.

Но Джордж не пережил битву при Камбре, и Дора осталась единственной хранительницей их детства, игр, глупых записочек, эгоистичных ссор. Даже сейчас, через три года, ей все еще трудно смириться с тем, что Джорджа с его неумной бравадой больше нет на свете. Что он, как тысячи других, день за днем встречал грудью шквал раскаленного свинца, клинков и снарядов, пока его не разнесло на куски. Как это может быть, что ее брата – красавца и баловня, от которого пахло травой, потом и сигаретами, который каждый раз клялся и божился, что ее мяч пролетел мимо, хотя он совершенно точно попал в цель, который за всю жизнь написал ей всего одно письмо, – нет и уже никогда не будет?

Впрочем, писем у нее, к сожалению, довольно – есть над чем поплакать. Страницы, исписанные корявыми буквами, расплывшимися от слез, письма, уже столько раз раскрытые и сложенные снова, что истерлись на сгибах в пыль. Все от Чарльза – от того, кто был бы сейчас ее мужем, не оказался жизнь такой подлой и жестокой. От Чарльза, который сейчас изучал бы юриспруденцию в Куинз-колледже. Самого видного курсанта в гарнизоне, выбравшего ее (ее!) из всех девушек в городе. Того самого Чарльза, который уводил Дору в заросли папоротника, где она чувствовала себя такой живой, такой обостренно чуткой, такой открытой и готовой к тому, что простой, привычный, знакомый мир вот-вот делается блистающим и пьянящим. Она до сих пор хранит в памяти сладкий фруктовый привкус его губ, теплое дыхание, щекочущее шею. Будь Чарльз жив, у нее никогда не возникло бы желания учиться в Оксфорде. Даже в голову бы не пришло.

Так зачем же она здесь? По многим причинам. Чтобы быть ближе к Джорджу и Чарльзу. Чтобы убежать от безысходного горя матери и своей зависимости от нее. Чтобы читать, учиться, заниматься спортом – будто снова вернулась в школу, в те дни, когда мир еще не рухнул. И потому что не торчать же дома, превращаясь в одинокую старую деву из хартфордширского ярмарочного городка, даже не пытаюсь начать встречаться с кем-то еще, – хотя она все равно не в силах отыскать в себе ни капли интереса ни к одному мужчине, кроме того, которого уже никогда не будет рядом.

Чувствуя, как от горя ломит виски и перехватывает горло, Дора закрывает крышку измятой жестянки из-под сигарет, где у нее хранятся шпильки, и принимается расставлять в шкафу теннисные туфли и хоккейные ботинки. Складывает в комод пояса, чулки, комбинации, панталоны и сорочки, а завернутый в папиросную бумагу корсет (прощальный подарок матери) засовывает под одеяло в глубине шкафа. Затем размещает в алфавитном порядке романы на полке, вспоминая, с каким удовольствием разбирала, сортировала и переставляла книги в библиотеке, где работала волонтером во время войны. Воссоздавала порядок из хаоса, как в шекспировской пьесе.

На часах уже восемь, и в окно Дора видит, что девушки собираются у входа в резиденцию директора. Бросив взгляд на Чарльза и Джорджа, она торопливо выходит в оживленный центральный проход, соединяющий западное крыло колледжа с восточным. Шагающая прямо перед ней высокая широкоплечая девушка что-то тихонько напевает себе под нос и время от времени останавливается, чтобы поправить сбившуюся на плече мантию. Дора невольно думает о том, бьется ли у этой девушки сердце так же отчаянно, как у нее самой, и не затем ли она здесь, чтобы тоже начать новую жизнь.

* * *

В отличие от остальных, Оттолайн Уоллес-Керр провела ночь не в колледже, а в доме своей тети в районе Норхэма, вместе с сестрой Герти. Вечером они переоделись к ужину, выпили коктейли, поиграли в нарды – словом, повеселились напоследок перед матрикуляцией. Герти вечно норовит скинуть детей на няню, и Отто, глядя на такое пренебрежение своим долгом, то и дело массирует переносицу, чтобы унять головную боль. Родственники Отто понятия

не имеют, зачем она ввязывается в историю с учебой, когда в этом нет никакой необходимости. Мать, разгневанная из-за того, что Отто отвергла предложение Тедди, ни разу даже не спросила об Оксфорде. Отец называет ее «мой Синий Чулок Бисмарк»⁷ и не относится к ее затее всерьез. Родители видят в Отто дочь, которая всегда готова сама посмеяться над собой и которая первой скажет: «Давайте сходим куда-нибудь». Чего они не видят, так это мертвого груза на ее груди, от которого в Лондоне никак не избавиться. Отто кажется, что, останься она дома, эта тяжесть утянет ее на дно Темзы, сколько бы она ни барахталась. Оксфорд – ее спасательный круг.

Утро выдалось туманное, и Герти настаивает на том, чтобы отвезти Отто на Сент-Маргарет-роуд. Намерения у сестры добрые, но манера вождения на любителя. Даже ее муж Гарри приходит в ужас, а он как-никак Сомму прошел.

– Ну вот и приехали, сестричка, – говорит Герти, подъезжая к воротам. – Боже, да это тюрьма какая-то! Я уже готова похитить тебя и отвезти обратно в Мейфэр.

Некоторые из собравшихся во дворе девушек оглядываются на них.

– Ой, да ладно тебе, Герт, – отмахивается Отто, выпрыгивая из машины. – Ты просто завидуешь.

– Еще как завидую. Просто умираю от зависти при виде твоей очаровательной шапочки. Подари мне такую на Рождество.

– До встречи за обедом!

Отто посылает сестре воздушный поцелуй, входит в ворота и оглядывается в поисках кого-нибудь старшего. Ей не привыкать ходить куда-то в одиночку, однако среди этих серьезных дев она ощущает необъяснимую нервозность. Остановившись в сторонке, она поглаживает пальцами лежащую в кармане вещицу, подаренную Герти на прощание: портсигар с выгравированной на нем бегущей во весь опор гончей. Намек на слова их бывшей директрисы – та часто говорила, что Отто находится в состоянии непрерывного движения. «Оттолайн редко подолгу сидит на месте, разве что за какими-нибудь сложными вычислениями, и справляется с ними с поразительной легкостью и завидной точностью: вы только взгляните на ее табель!»

Математика в самом деле дарит Отто моменты отрешенности и спокойствия, которые ничто другое дать не в состоянии. Даже во сне ее преследует чувство, что она должна бы сейчас быть где-то еще (или с кем-то другим). В математике ее восхищают ясность и четкая определенность: ответ либо верен, либо нет. Никакого там бу-бу-бу о различных интерпретациях, никаких эссе, переливающих из пустого в порожнее.

Поскольку она родилась в восьмой день восьмого месяца, ее любимое число, конечно же, восемь. И вот теперь, спустя два года после того, как Отто впервые задумалась об учебе в Сент-Хью, ей выделили комнату в восьмом коридоре. Очень хороший знак.

⁷ Отто фон Бисмарк (1815–1898) – германский государственный и политический деятель, дипломат, первый канцлер Германской империи.

2

Четверг, 7 октября 1920 года (нулевая неделя)

ПЕРВЫЙ КУРС – КОЛЛЕДЖ СЕНТ-ХЬЮ, 1920

Мисс Флоренс Олдерман – современная история.

Мисс Жозефина Боствик – английский язык.

Мисс Патриция Клаф – современные языки.

Мисс Сильвия Доддс – современная история.

Мисс Джоан Эванс – современные языки.

Мисс Элизабет Фуллертон-Саммерс – современная история.

Мисс Теодора Гринвуд – английский язык.

Мисс Марианна Грей – английский язык.

Мисс Ивонн Хоутон-Смит – юриспруденция.

Мисс Эстер Джонсон – современные языки.

Мисс Филлис Найт – английский язык.

Мисс Кэтрин Ллойд – современные языки.

Мисс Айви Найтингейл – гуманитарные науки.

Мисс Розалинда Отли-Берроуз – современные языки.

Мисс Беатрис Спаркс – ФПЭ.

Мисс Нора Сперлинг – современная история.

Мисс Селия Томпсон-Солт – английский язык.

Мисс Темперанс Андерхилл – английский язык.

Мисс Оттолайн Уоллес-Керр – математика.

Мисс Этель Уилкинсон – современная история.

Мисс Э. Ф. Журден, директор

Дора поглядывает на девушек, собравшихся во дворе. Особенно продуманным видом никто не выделяется, группа представляет собой эклектичную смесь поношенных пальто и костюмов от дорогих портных, непричесанных волос и тщательно уложенных локонов. В воздухе успокаивающе пахнет грушевым мылом и лавандовой водой. Дора думает о том, что чувствовал ее брат Джордж в день своей матурикуляции. Он-то наверняка к тому времени уже свел дружбу со всеми и мучился головной болью, перебрав вина накануне вечером.

– Поздравляю вас всех с этим знаменательным днем, – говорит тьютор⁸ с водянистыми глазами и дребезжащим голосом, представившаяся как мисс Ламб. – Я буду сопровождать вас в здание факультета богословия. Мы построимся парами и выйдем пораньше. Там наверняка соберутся зеваки и пресса, поэтому директор, мисс Журден, хочет, чтобы мы пришли как можно скорее.

Стайка старшекурсниц за спиной мисс Ламб перешептывается, словно театральная публика в нетерпеливом ожидании спектакля.

– Прошу вас разбиться по коридорам, – говорит мисс Ламб, указывая на разные углы двора. – Четвертый и пятый коридоры строятся здесь, шестой здесь, седьмой здесь, и «восьмерки» вон там. В ближайшие несколько недель, пока вы не освоитесь, ваши соседки по коридору будут сопровождать вас, когда вы идете куда-то или едете на велосипеде.

⁸ Тьютор – преподаватель, занимающийся со студентами индивидуально или в небольших группах.

Дора оказывается между двумя девушками, которые представляются как Беатрис Спаркс и Марианна Грей. Беатрис, та самая девушка, за которой Дора шла по главному коридору, энергично пожимает ей руку. Помимо великанского роста, у Беатрис есть и другие примечательные черты: мягко очерченный подбородок, любопытные глаза и румянец на щеках. А еще пальцы, перепачканные чернилами. У Марианны, напротив, длинная шея и бледное веснушчатое лицо. Она кажется хрупкой и почти невесомой, будто носовой платок, вытершийся до того, что ткань превратилась в тонкую сквозную сеточку. Странно думать, что с этими людьми Доре предстоит проводить каждый день в ближайшие восемь недель.

К ним присоединяется миниатюрная девушка с умело подкрашенными губами. Волосы у нее цвета мокрой терракоты, а ростом она ниже Беатрис по меньшей мере на фут. Она словно сошла прямиком со страниц светской хроники какого-нибудь из Дориных журналов.

– Привет, соседки! – говорит рыжеволосая, протягивая вялую ладонь. Из рта у нее торчит сигарета, и Дора удивляется такой дерзости – курить на людях. – Оттолайн Уоллес-Керр. Но вы можете звать меня Отто.

Дора вспоминает, что именно эта фамилия указана на табличке, прикрепленной к соседней двери. Выходит, вот они – обитательницы четырех комнат восьмого коридора.

– Доброе утро, – радостно отвечает Беатрис. – Меня зовут Беатрис Спаркс. А это Дора и Марианна.

– Спаркс? Мне нравится. Такое имя подходит умной девушке. – Отто пускает струйку дыма через плечо Беатрис и, окинув оценивающим взглядом остальных девушек во дворе, выгибает подрисованную карандашом бровь. – Ну что же, двигаем, значит.

И процессия выходит из ворот на Сент-Маргарет-роуд. «Восьмерки» замыкают шествие.

Вокруг них высятся здания Оксфорда. На Бэнбери-роуд омнибусы с фырканьем проносятся к Корнмаркету, мимо с дребезжанием катят велосипеды, двери отелей распахиваются, пропуская постояльцев и тюки с бельем. На Сент-Джайлс студенты-мужчины выходят из зданий, построенных из песчаника, и вливаются в толпу, движущуюся на юг. Дора замороженно смотрит, как кивают в такт шагам их магистерские шапочки, как раскачиваются шелковые кисточки. Она замечает, что девушки в шерстяных шапочках, шагающие парами за мисс Ламб, удивительно напоминают школьниц на прогулке.

Вокруг стоит гул оживленных разговоров, и приходится изо всех сил напрягать голос, чтобы тебя услышали. Некоторые мужчины улыбаются и галантно уступают дорогу, другие приветствуют друг друга, перекрикиваясь через головы девушек, словно их тут и нет. Беатрис, идущая рядом с Дорой, то и дело теребит ее за руку, показывая достопримечательности: музей Эшмола⁹ (уже знакомый Доре) и паб «Лэмб энд флэг» (а вот он незнаком), где Харди¹⁰ писал главы своего романа «Джуд Незаметный». Отто идет впереди, то и дело запинаясь о брусчатку атласными ботинками с бриллиантовыми пряжками, а у Марианны в задник туфли уже засунут сложенный газетный лист. Ни та ни другая не произносят ни слова.

На углу Брод-стрит Отто решает прикурить очередную сигарету, и все четыре девушки останавливаются, а процессия продолжает свой путь без них. Пользуясь случаем, Дора поправляет шляпку и засовывает выскользнувшие шпильки поглубже в упругую копну волос. Несколько проходящих мимо мужчин засматриваются на нее, а один даже осмеливается сказать «доброе утро», отчего Дора, потупившись, краснеет. Когда же она наконец снова поднимает взгляд, у нее перехватывает дыхание. Уж не с ума ли она сходит? В двадцати футах перед ней – ее жених, Чарльз. Вот он, смеется в толпе молодых людей, идущих по Брод-стрит, – это его густые каштановые волосы и подбородок с ямочкой! Все плывет у Доры перед глазами.

⁹ Музей искусства и археологии Эшмола – музей, в основе которого лежит коллекция редкостей, завещанная Оксфордскому университету английским антикваром, алхимиком и астрологом Элиасом Эшмолом. Первый в мире университетский музей и один из четырех действующих при Оксфорде.

¹⁰ Томас Харди (1840–1928) – крупнейший английский писатель и поэт.

Она хочет окликнуть Чарльза, броситься к нему через улицу, пробиться сквозь заслон тел, но от потрясения не в силах сдвинуться с места. Тут как раз мужчина оборачивается, чтобы сказать что-то приятелю, и Дора с ужасом понимает, что он нисколько не похож на Чарльза. Этот незнакомец старше, он усат и бледнолиц. Конечно это не Чарльз. Ее жених, навсегда оставшийся восемнадцатилетним, лежит где-то во Франции в безымянной могиле... она же знает. И все-таки по какой-то необъяснимой причине он упорно видится ей всюду, куда бы она ни пошла.

Как будто мало ей странностей для одного утра. Еще три дня назад Дора жила в ярмарочном городке, отбивала мячи в теннисном клубе вместе с близнецами, слушала мамини сетования на судомойку, вздумавшую уйти от них на консервную фабрику. И вот она здесь – идет на матрикуляцию в Оксфордский университет. Творит историю в мире, где, как ей кажется, другие уже натворили более чем достаточно.

* * *

Отто делает долгую затяжку, затем кивает в сторону Бодлианской библиотеки, и они вновь пускаются в путь, вливаясь в общий поток. Марианна подумывает о том, не ускользнуть ли потихоньку, чтобы успеть на последний утренний поезд до Калхэма, но затем скрепя сердце отказывается от этой затеи. Если она исчезнет вот так, молча, это вызовет ужасный переполох, а ей не хочется портить остальным столь важный день. Делать нечего, придется потерпеть до конца церемонии.

Их процессия ушла вперед ярдов на пятьдесят, не меньше, и, прежде чем «восьмерки» успевают ее нагнать, путь им преграждает большая группа студентов, высыпавшая из дверей Баллиол-колледжа. Атмосфера здесь царит оживленная. Из окна над входом два студента отпускают в мегафон язвительные насмешки над внешним видом тех, что внизу, не умеющих пить как следует.

Марианна сразу понимает, что молодые люди, заполнившие тротуар, – первокурсники. Во-первых, мантии у них как у первокурсников, а во-вторых, они в большинстве своем так молоды, что не успели толком отпустить усы. И уж конечно, они не могли воевать во Франции. Приятно смотреть на это новое, ничем не запятнанное поколение, вступающее в жизнь. Они напоминают Марианне сорочий молодняк, собирающийся на лужайке в Калхэме: и собой красавцы, и вышагивают важно, и умом не обделены, а все же от стаи им отрываться пока рано.

– Глядите-ка, ребята, у нас тут амазонки! – вдруг раздается из мегафона, и студенты Баллиола начинают с любопытством поглядывать на девушек. – Боже правый, что это такое у них на головах?

Почуввав забаву, мужчины радостно хохочут, окружают Марианну и ее спутниц. Марианна оглядывается, но вокруг видит лишь недобро ухмыляющиеся лица и белые галстуки. Сердце в груди начинает бешено колотиться. Они в ловушке.

– Теперь вас, леди, никто замуж не возьмет! – кричит кто-то из первокурсников, и толпа встречает это бурными аплодисментами.

В голове у Марианны всплывает давнее воспоминание: деревенские мальчишки загоняют в угол дрожащую от страха полевою мышку и забивают палками до смерти. Она впивается ногтями в ладони, чтобы не схватиться за медальон, спрятанный под блузкой.

– Не надо ли кому-нибудь пуговицу пришить?

–Этак они и в Союз¹¹ проберутся!

¹¹ Союз, или Оксфордский союз (Oxford Union Society), – дискуссионное общество Оксфордского университета, студенческое сообщество дебатов, членами которого становятся в основном студенты университета. Основанный в 1823 году, Союз является одним из старейших студенческих сообществ Великобритании и одним из самых престижных частных студенческих

– От такого все парни в Кембридж сбегут.

И еще, и еще – мужчины улюлюкают, свистят, пихают друг друга локтями, довольные собой. Марианна озирается в поисках кого-нибудь, кто мог бы вступить за них, – проктора¹² или хотя бы привратника, – но никто не приходит на помощь. Ее спутницы, очевидно, тоже ошеломлены и растеряны. Гудят клаксоны, визжат велосипедные тормоза, и земля продолжает вертеться как ни в чем не бывало.

Первой решается действовать Беатрис.

– Не обращайтесь внимания, – говорит она, и ее круглое лицо заливается румянцем. Она проталкивается сквозь толпу к краю тротуара, Отто за ней.

– Идем, – шепчет Дора Марианне.

Но не успевает та сделать и шага, как мегафон вновь оживает.

– О, пожалуйста, не покидайте нас, – зовет он к Беатрис. – Такая рослая девица пригодится нам в лодочных гонках.

Отто останавливается.

– Погодите минутку, – говорит она и шагает обратно в центр толпы. Поворачивается на месте вокруг своей оси, всматриваясь в лица студентов долгим взглядом насмешливо прищуренных глаз. – Так вот что у мужчин в Баллиоле считается развлечением? – Она указывает на окно. – Оскорблять женщин, которые, скорее всего, легко обойдут вас на старших курсах в Оксфорде? Какие же вы убогие зануды. – Отто бросает окурок, пунцовый от помады, к ногам насмешников. – Я непременно передам ваши замечания магистру, когда буду обедать с его семьей на следующей неделе. Его дочери – мои близкие подруги.

Отто прекрасно понимает, какое впечатление производит своим угловатым накрашенным лицом. Ее слова повисают в воздухе вместе с ароматом гардении. Мужчины неловко переглядываются. Марианна же просто ошеломлена ее смелостью. Какое-то время никто не произносит ни слова, а затем чары Отто разрушает один из первокурсников. Уставившись на них с глупым видом и пошатываясь, он подходит ближе и запинаясь о край тротуара. Взмахивает руками, пытаясь удержать равновесие, а затем, падая, хватается за юбку Марианны. И дергает с такой силой, что на поясе расходятся швы. Марианна тяжело грохается на колени и заваливается набок, едва успев выставить вперед руки, чтобы не удариться головой о бордюр.

– Кажется, она не смогла перед ним устоять! – гремит мегафон.

В толпе раздается улюлюканье. Марианна в оцепенении лежит на грязном тротуаре среди окурков и сухих листьев, окруженная стеной ног в брюках и начищенных до блеска тяжелых ботинках. Она пытается встать, но не в силах даже пошевелиться – ноги запутались в юбке. Тут кто-то (а именно Беатрис) хватается за руку и поднимает. Ладони у Марианны облеплены грязью из сточной канавы. Смех не стихает, и щеки у нее пылают от стыда.

– Ну ты и шут, – заявляет Отто, уничтожающе глядя на виновника происшествия.

– Тысяча извинений, – бормочет тот заплетающимся языком, вскакивает на ноги и исчезает в толпе.

Дора подходит ближе.

– Вы же Марианна, да? Ушиблись? – Она берет Марианну за руку и отряхивает ее платье. – Боюсь, юбку придется стирать. Вот, держите вашу шапочку.

– Все в порядке, – говорит Марианна, хотя чувствует, как горит ободранная ладонь, и жалеет, что тут не на что опереться.

Не таким она представляла себе Оксфорд – не думала, что здесь издеваются над женщинами, высмеивая их желание учиться. Она пытается надеть шапочку, но несколько выбившихся из-под заколок прядей облепили шею. Колени саднят, юбка покрыта мокрыми пят-

сообществ в мире.

¹² Проктор – ответственный за дисциплину студентов в университете.

нами – кажется, от конского навоза. К счастью, мегафон умолк, и заскучавшие первокурсники побрели по дороге в своих развевающихся мантиях.

– Мне так жаль, Марианна, – говорит Беатрис. – Как вы себя чувствуете?

Отто зевает.

– Глупые, глупые желторотые мальчишки.

Колокол бьет девять. К счастью, до начала церемонии еще целый час. В суматохе девушки потеряли из виду мисс Ламб и группу студенток Сент-Хью. Они ждут, пока Марианна приведет себя в порядок. А она размышляет, заметно ли остальным, как дрожат у нее руки.

– Позвольте спросить: вы и в самом деле знакомы с магистром Баллиола? – интересуется Беатрис у Отто.

– В глаза его никогда не видела, – усмехается та.

– Что ж, отличная выдумка. – Беатрис поворачивается к Доре и Марианне. – Магистр Баллиола – А. Л. Смит. – Они смотрят на нее непонимающе. – Сторонник реформы образования. Он считает, что Оксфорд должен быть открыт для всех.

Отто вновь обращает взгляд на Марианну.

– Не обижайтесь, но вы стали почти прозрачной, а призраков к матрикуляции наверняка не допускают. Вам нужно выпить чая. Сладкого чая. Я угощаю, и не смейте спорить.

Марианна пытается протестовать, но, когда Отто, не обращая на это внимания, берет ее за руку, она чувствует благодарность. Ей хочется поскорее убраться с этой улицы и хоть немножко прийти в себя.

Отто просовывает палец под шапочку и почесывает под узлом медно-рыжих волос.

– В одном эти мальчишки совершенно правы, – говорит она. – Эти шапочки – ужас что такое.

Она дожидается, пока мимо проедет стайка велосипедистов, и тянет Марианну через Брод-стрит к двери, за которой на втором этаже располагается чайная. Остальные идут следом.

Четыре девушки поднимаются по узкой лестнице в чайную «Удача», и дверь за ними захлопывается под звон колокольчика.

3

Четверг, 7 октября 1920 года (нулевая неделя)

В оклеенной флокковыми обоями уборной Марианна перекачивает в руках серый кусок мыла, стараясь растянуть это занятие подольше. Через открытое окно она слышит, как колокола нестройно отзванивают четверть десятого. Их звон напоминает удары ложек по медным кастрюлям. На мгновение Марианна снова оказывается в церкви Святой Марии, снова пересчитывает перед богослужением сборники церковных гимнов, вдыхая затхлый запах страниц. Прохладный ветерок овеивает затылок, кончики пальцев скользят по лакированной скамье. И тут же вновь накатывает тошнота. То, что она упала на улице, – это не беда. Беда, что она бросила отца одного. Миссис Уорд позаботится о том, чтобы у него была чистая одежда, но кто теперь, без Марианны, будет печатать его письма и проповеди, организовывать доставку цветов, собирать пожертвования? А что, если он обойдется и без нее? И можно ли то же самое сказать о ней? Марианна никогда не уезжала из своего прихода, не распускала туго сплетенные нити своей жизни, накрепко связывающие ее с ним. Она не ушиблась, и потрясение уже прошло, но случившееся на улице лишь подтверждает: она здесь чужая. Девушка нащупывает под блузкой медальон, с силой прижимает его к груди и решает, что уедет из Оксфорда сегодня же.

Достав из кармана свежий, сложенный в несколько раз листок газеты, она заталкивает его за задник туфли вместо старого, уже истрепавшегося. Эти подержанные туфли, купленные в ярмарочном ларьке специально для торжественных случаев, ей великоваты, и после сегодняшней ходьбы на пятке вздулся волдырь. Марианна возвращается к столу, кивает остальным и занимает свободное место рядом с Дорой, которая то и дело поглядывает в окно. Отто и Беатрис держатся так, словно бывают в чайной каждый день. Они болтают без умолку, как будто любую паузу в разговоре непременно нужно заполнить словами. «Какие утомительные эти лондонцы», – думает Марианна.

Дора поворачивается к ней:

– Как вы думаете, нас будут искать?

– Думаю, да, – отвечает Марианна. – Простите, это по моей вине мы здесь оказались.

– Нет. Вообще нет, – улыбается Дора. – Просто я сомневаюсь, что нам стоило показывать себя такими бунтарками в первый же день. Боюсь, во мне говорит школьная староста.

Вместе они смотрят, как по улице внизу пронесется омнибус. Дворник сгребает дымящуюся кучку навоза, и ее тут же переезжает посыльный на велосипеде. «Какой у нас, должно быть, подозрительный вид, – думает Марианна. – Сидим тут в студенческих мантиях среди пожилых посетителей, заказывающих яичницу с беконом». Она пытается проглотить непонятный комок, застрявший в горле с самого ее приезда сюда вчера вечером.

Когда ей это почти удастся, Дора обращается ко всему столику:

– Как по-вашему, что мисс Ламб подумает?

Отто отмахивается:

– Мы же всего на десять минут. Я закажу четыре чая – или вы предпочитаете кофе? Нет?

Тогда четыре чая. – И она через весь зал обращается к официантке: – Здравствуйте!

Марианна еще никогда не заходила в чайную вот так, между делом, «на десять минут». Вот отец удивился бы! Официантка пробирается к ним между столиками, на поясе у нее болтается блокнотик на шнурке. Все столики накрыты на четверых, в центре каждого – розовая гвоздика. Неподалеку сидит мужчина с номером «Дэйли мэйл» в руках. Заголовок гласит: «Женщин на миллион больше, чем нужно: охота за мужьями в 1920 году».

– О, да это же мисс Уоллес-Керр! – восклицает официантка, от которой пахнет горячим молоком и карболовым мылом. Она вся сияет, узнав посетительницу. – Отрада для сердца – снова вас видеть.

– Привет, Бетти, как дела? – отвечает Отто.

– Не могу пожаловаться. Мой старший вернулся домой – вы, наверное, не знали. Работает на фабрике Морриса.

– Рада слышать. – Отто обводит взглядом стол. – Во время войны я работала шофером в Оксфорде. Бетти за мной присматривала.

– Мисс Уоллес-Керр была очень добра ко мне, когда я потеряла моего младшенького, Эрнеста, – говорит Бетти, и глаза у нее наполняются слезами.

Девушки выражают соболезнования, невольно отмечая, что белки глаз у Бетти – горчичного цвета.

«Желтуха», – понимает Марианна, стараясь не рисовать в воображении большую раздутую печень бедной Бетти, выпирающую под этим идеально чистым фартуком.

– Я о вас часто вспоминала, мисс, – продолжает Бетти. – Когда вы перестали приходить, я подумала самое худшее. Подруге сказала: мол, уехала наша мисс Уоллес-Керр во Францию или еще куда-то.

Отто на миг поджимает губы.

– Эта была работа всего на полгода. Родители потребовали, чтобы я вернулась домой. Нехорошо, что я не попрощалась, прошу меня извинить. – Она постукивает лакированным ногтем по меню. – Честно говоря, мы немного спешим. Нам нужно успеть на церемонию. Вы, конечно, понимаете. Четыре чая, пожалуйста.

– Хорошо. – Бетти делает пометки в блокноте.

– Очень рада снова видеть вас, – говорит Отто, смягчаясь, и Бетти слегка приседает в книксене.

Марианну завораживают усеченные гласные и та отчетливость, с которой Отто произносит каждый слог – так, словно намерена выжать из него все до капли. Под мантией у Отто скрывается облегающий бархатный жакет, брови выщипаны высокими дугами, подчеркивающими угловатые черты лица. Она напоминает Марианне маленькую холеную соседскую таксу – такую же непредсказуемую и надменную.

Они потягивают чай, принесенный Бетти, беседуя о предметах, которые будут изучать, и о том, что теперь, к счастью, более не требуется знать древнегреческий. Беатрис выбрала новую дисциплину, обозначенную как ФПЭ, Отто – одна из тех редких женщин, что увлечены математикой, а Марианна и Дора будут заниматься английским. О насмешках на улице никто не вспоминает – как будто, если игнорировать то, что случилось, это поможет им хоть отчасти сохранить достоинство.

Когда девушки собираются уходить, Отто обещает в следующий раз погадать на чайной заварке. Она оставляет щедрые чаевые (целую крону!) под салфеткой и прячет чайную ложечку в карман пиджака.

– Сувенир, – подмигивает она Марианне.

Марианну это одновременно забавляет и ужасает. Она невольно замечает, что все зубы у Отто одного размера, словно ряд крошечных костяшек домино из слоновой кости.

* * *

Необычная компания выходит из дверей чайной на Брод-стрит и направляется к плиссированным колоннам здания Кларендон. По этой дороге Отто проезжала тысячу раз. Когда она служила в отряде добровольной помощи, то парковалась у Баллиола и забегала в «Удачу», чтобы выкурить сигарету и выпить кофе, иногда по два-три раза в день; всегда в одном и том

же кусачем форменном платье, она, перебегая через дорогу, нащупывала в кармане губную помаду. Пять месяцев подряд Отто колесила взад-вперед, возила врачей и раненых, бланки и лекарства, пока не почувствовала, что вот-вот сойдет с ума. Ну что ж, по крайней мере, в конторе после нее остался солидный запас чайных ложечек. Теперь на ней новая форма, еще более унылая, а на улице ее донимают мальчишки, которые, в сущности, отличаются от нее лишь одним: им всем посчастливилось родиться младшими братьями.

В целом тут мало что изменилось. Те же выбоины, те же беспорядочно снующие велосипедисты, пылящие дымом omnibusy, голуби, плещущиеся в сточной канаве. Книжный магазин «Б. Х. Блэквелл» открыт, кебмены стоят под навесом. Но есть и то, от чего никуда не деться: повсюду молодые люди в развевающихся мантиях. Они покашливают, смеются и заполняют собой все пространство, несмотря даже на то, что некоторые из них скачут на костылях, напоминая библейскую саранчу.

Четверка студенток проходит мимо задних ворот Эксетерского колледжа и конторы «Оксфордского словаря английского языка». Эта неуклюжая девушка, Беатрис, настоящая великанша, рассказывает двум другим о словаре, но Отто уже слышала все это раньше. Один из врачей, которых она возила, – тот чудаковатый, он еще подхватил туберкулез и вернулся домой к матери, – говорил, что эта контора доверху набита листочками со словами, присланными со всего мира. Лично ей куда ближе цифры. Слова – штука эфемерная, ими легко манипулировать, их можно интерпретировать как угодно.

Девушки поднимаются по ступенькам ко входу в здание Кларендона, и Отто оглядывается на Кэтт-стрит, высматривая сиреневую шляпку сестры. После церемонии Герти устраивает обед с несколькими своими оксфордскими приятелями. Нынешние соученицы Отто ужасно серьезные, а ей не помешает выпить перед тем, как браться за распаковку вещей. Щеки у Марианны слегка порозовели, но вид все равно несчастный. Отто готова поставить гиней на то, что она здесь и недели не продержится. Все признаки налицо: мешки под глазами, обгрызенные ногти, стремление отгородиться от внешнего мира. Детей священников приучают к общению, так что едва ли причина в застенчивости. Марианна не находит себе места от тоски по дому.

Наконец все четыре девушки присоединяются к остальным первокурсницам, выстроившимся на мокрой от дождя четырехугольной площадке перед зданием факультета богословия, и мисс Ламб, явно взволнованная, ведет их внутрь.

* * *

– Веерный сводчатый потолок, пятнадцатый век, – сообщает Беатрис остальным.

Она много раз рисовала в воображении этот момент, и вот наконец она здесь, сидит среди своих сверстниц, с которыми ей не терпится обсудить то, что для нее важно: политику, архитектуру, историю, литературу, языки и так далее. Но, как бы ни хотелось ей сейчас же выложить им свои мысли и наблюдения, она подсовывает ладони под бедра и поджимает губы. Важно не оттолкнуть новых подруг тем, что ее мать называет «адски утомительным интересом Беатрис ко всему на свете».

Здание, в котором они находятся, выглядит поистине величественно. Повторяющийся на потолке узор из ребер кремового цвета, расходящихся веером от гигантских арок из песчаника, напоминает огромные раковины морских гребешков. На всех стыках вырезаны готические буквы, фиговые листья и гербы давно забытых благодетелей – каждая деталь совершенна и уникальна. Беатрис думает о том, как такое количество камня может висеть над головой пятьсот лет, как оно до сих пор не рухнуло на сидящих внизу студентов. Должно быть, все дело в геометрии.

Беатрис забавляет мысль о том, как, вероятно, смертельно скучала королева Елизавета, когда посещала этот зал в 1566 году. Тогда в Школе богословия проводились устные экзамены: ответы не писали, а обсуждали, порой днями напролет. Вытянув шею, чтобы хоть что-то разглядеть поверх квадратных шапочек, Беатрис замечает верхнюю часть спинки знаменитого кресла Дрейка¹³, сделанного из досок его галеона «Золотая лань». Это и правда потрясающе, думает она, но тут же вспоминает, что мужчины проходят матрикуляцию в Шелдонском театре, расположенном по соседству. Как предписывает традиция. Без женщин.

Церемония, проведенная на латыни, занимает всего несколько минут. После нее абитуриентки собираются у входа в Бод¹⁴ под бледным солнцем и неловко позируют для фото. Вокруг них оживленно гудит толпа преподавателей и студентов, по большей части женщин. Дора и Марианна, стоящие рядом с Беатрис, улыбаются ижимают руки незнакомцам. Под мышкой у каждой зажат университетский устав. Несколько молодых людей, прошедших свою церемонию в Шелдонском театре, подходят к ним пожелать удачи. Беатрис, настороженная после эпизода у Баллиола, держится отстраненно, зато Дора – темноглазая, атлетически сложенная – вызывает заметный ажиотаж: сразу несколько мужчин, краснея, наперебой поздравляют ее. Отто нигде не видно.

– Мы ждали этого момента шестьдесят лет! – Какая-то пожилая женщина берет Беатрис за руку и энергично ее трясет.

Беатрис улыбается и кивает, ощущая сухое тепло распухших пальцев незнакомки. Как ни горда она тем, что прошла матрикуляцию, она невольно представляет себя победительницей эстафеты: все ее поздравляют, хотя она приняла эстафету лишь за несколько шагов до финиша. Как часто говорит ее мать, поколение Беатрис пользуется плодами многолетней борьбы, лоббирования, страданий и протестов таких женщин, как она, – тех, кто не захотел мириться с существующим положением дел.

Однако Беатрис сдала вступительные экзамены, а значит, заслуженно оказалась здесь – разве нет? По крайней мере, она надеется, что это так. Отец пожертвовал крупную сумму на восстановление Сент-Хью, и, что бы там ни думала мама, Беатрис знает, как устроен мир. Это лишь придает ей решимости доказать и матери, и самой себе, что она занимает свое место по праву. Она возьмет от Оксфорда все, что он может ей дать. Она будет упорно двигаться к своей цели.

Беатрис похлопывает по внутреннему карману жакета, проверяя, на месте ли ее счастливое пенни, и обводит пальцем знакомый контур.

– Я горда, как никогда в жизни, – говорит одна из директрис, протягивая к ним руки, словно желая обнять их всех. – Вы исторические личности, никогда не забывайте об этом. Первые женщины, поступившие в Оксфорд – величайший университет мира.

¹³ Фрэнсис Дрейк (1540–1596) – английский мореплаватель и пират, совершивший кругосветное путешествие; с одобрения королевы Елизаветы I грабил испанские колонии в Южной Америке, был возведен ею в рыцари.

¹⁴ Бод (the Bod) или Бодли – сокращенные названия Бодлианской библиотеки.

4

Четверг, 7 октября 1920 года (нулевая неделя)

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВИЛА ДЛЯ СТУДЕНТОК

1. Студентка не может проживать в Оксфорде вне учебного года без разрешения директора своего колледжа.
2. Студентке нельзя входить в мужские комнаты ни в колледже, ни в общежитии без разрешения директора своего колледжа. Ее должна сопровождать дама, одобренная директором. Разговоры между студентами и студентками до и после лекций не поощряются.
3. Студентка обязана получить разрешение от своего директора, прежде чем принимать приглашение на вечера или смешанные приемы. Она не имеет права без позволения выходить в город после ужина и должна возвращаться к одиннадцати часам вечера, сообщая о своем появлении.
4. Студентка может приглашать друзей-мужчин на чай в общие комнаты или на территорию своего колледжа либо холла с разрешения директора при условии, что в компании будут присутствовать как минимум две женщины. В своей комнате студентке позволено принимать брата, но не других мужчин.
5. Студентка может ходить на дневные представления с друзьями-мужчинами с разрешения своего директора при условии, что в компании будут как минимум две женщины.
6. Смешанные вечеринки нельзя проводить в кафе, ресторанах или гостиницах без сопровождающей, одобренной директором.
7. Студенткам запрещено посещать публичные танцы.
8. Создавать смешанные клубы допустимо лишь с одобрения директора, и такое одобрение необходимо продлевать ежегодно. Собрания этих клубов нельзя проводить в комнатах студенток, а в мужских колледжах – только с письменного разрешения декана колледжа при условии присутствия на них женщины – сотрудницы университета.
9. Студентке запрещено совершать прогулки, поездки на велосипеде или автомобиле в компании мужчины-студента, если он не является ее братом. Разрешение на такие смешанные прогулки директор может дать по своему усмотрению.
10. Студентке нельзя кататься на лодке с мужчинами, за исключением братьев, без сопровождающей, одобренной директором.
11. Студентка может присутствовать на футбольных или крикетных матчах или лодочных гонках только при условии, что это одобрено директором.
12. Студенткам запрещено играть в хоккей, если в игре участвуют мужчины.

Вечером, едва заслышав звонок к ужину, Дора и ее спутницы торопливо шагают по главному коридору: их предупредили, что директор не терпит опозданий. Ходят слухи, что опоздавшим придется стоять и краснеть перед всем колледжем, пока мисс Журден не разрешит войти.

В обеденном зале, заставленном длинными ровными рядами столов, слышны разговоры и звяканье суповых ложек. Дора недовольно замечает, что в зале пахнет вареной капустой. Она ожидала чего-то более изысканного – как минимум полированной мебели и свежесрезанных цветов. За это утро она успела убедиться в одном: современное здание Сент-Хью – три этажа с равномерно расположенными окнами и стенами из красного кирпича – имеет мало общего с романтическими готическими башнями и крошащимся песчаником мужских колледжей.

– Какой-то дом призрения для гувернанток, потерявших место, – шепчет Отто.

Их усаживают вместе с другими новенькими, и Дора радуется, что предложила «восьмеркам», как назвала их утром мисс Ламб, пойти ужинать вместе. В первые дни все чувствуют себя ужасно неловко, и Дора, которой всегда нравилась школа, уверена, что и в Сент-Хью она приживется – главное, не позволять себе слишком много думать о войне. Спальня у нее не такая роскошная, как комната ее брата в Джезусе, зато довольно уединенная – в самом конце коридора. Рядом комната Отто, напротив – Марианны. А вот Беатрис не повезло: ее соседка с одной стороны – сурового вида преподавательница истории. Она ходит на костылях, и дверь у нее то и дело открывается и хлопает. К счастью, преподавательница, мисс Бейзли, похоже, там не ночует, а со студентками держится так, будто их нет. По другую сторону от комнаты Отто находится уборная, а рядом с ней – выложенная красной плиткой кладовка, которой заведует служительница Мод.

– Вы читали правила? Вот уж не ожидала таких строгостей, – говорит неопрятного вида девушка, сидящая напротив Доры. У нее курносый нос, а мятая мантия выглядит так, будто мала ей на два размера. – Патриция Клаф, современные языки, – по-армейски представляется она.

И Доре кажется, что она вот-вот отдаст честь.

– Я собиралась поступать на классическую литературу, но брат сказал, что античная классика – это ужасно сложно для девушки, – продолжает Патриция. А затем добавляет тише: – Я думала, разные курсы будут как-то пересекаться между собой, но у второкурсниц и третьекурсниц такой надменный вид, согласитесь? Они явно не желают сидеть вместе с нами.

– Наверняка им хочется наговориться друг с другом после летних каникул, – предполагает Дора, не сводя взгляда с верхней губы Патриции: она покрыта мелким пушком и слегка подергивается, когда девушка потягивает суп из ложки.

– Могу поспорить, они думают, что нам все далось легко. Ну, знаете, нас ведь сразу приняли, – говорит Патриция.

Беатрис кивает в знак согласия.

– Я их не виню. Им пришлось доказывать, что они способны учиться на равных с мужчинами. А теперь они стали студентками как бы между прочим, а вся слава досталась нам.

– Строить колледжи практически без денег, на лекциях ютиться на задних рядах, будто прокаженные. Вот уж весело, должно быть, – добавляет Отто.

Дора замечает, что Беатрис проливает суп на грудь, но лишь слегка промокает пятно салфеткой, оставаясь совершенно невозмутимой.

– Я слышала, кое-кому из них досталось на орехи за то, что они продолжали учиться в университете во время войны, – говорит Патриция.

– Вот как? Почему же? – спрашивает Дора.

– Когда парни отправились воевать во Францию, девушки почти все остались здесь. Учились как ни в чем не бывало, раскатывали по Оксфорду на велосипедах. Целыми толпами, – с удовольствием, смакуя, добавляет Патриция: этот разговор ей куда более по вкусу, чем жидкий луковый суп.

– Ну зачем же так упрощать? – Отто бросает ложку в тарелку с таким грохотом, что несколько студенток за соседним столом оборачиваются.

– Что вы хотите этим сказать? – спрашивает Патриция, и ее пушистая верхняя губа подрагивает.

– Хочу сказать, что глупо вот так с ходу судить о том, кто чем занимался во время войны, вам не кажется? – поворачивается к ней Отто. – Вы были в Оксфорде в это время, мисс...

– Клаф. Патриция. Нет, не была, но...

– Так откуда же вам знать, что делали все эти девушки?

– Я... я просто пересказываю то, что слышала.

Патриция оглядывается на остальных в поисках поддержки, но никто не хочет за нее вступить в их первый вечер.

Дора находит себе занятие: начинает собирать пустые тарелки.

– Я была здесь во время войны, – говорит Отто, – и видела студенток Сомервила с окровавленными руками: они собирали лен для обтяжки самолетных крыльев. Перчатки, которые им выдавали, через три дня превращались в лохмотья.

– Я...

– Я видела, как студентки помогали бельгийским беженцам учить английский и искать жилье. Видела женщин, которые собирали на каникулах фрукты, и тех, что в свободное время работали переводчицами. Видела, как студентки читали книги солдатам в госпитале, ставили для них спектакли, копали грядки под овощи в Порт-Мидоу, устраивали чаепития, чтобы собрать средства для сирот. Судя по всему, что мне известно, те девушки, что оставались здесь, были изобретательны, трудолюбивы и неутомимы.

– Ох, я не имела в виду...

– Замечательно сказал об этом Бертран Рассел, – продолжает Отто. – «Очень жаль, что сплетники целиком поглощены скрытыми пороками людей, тогда как следовало бы обращать внимание на их скрытые достоинства». – Она наклоняется вперед так, что ее бусы стучат о край стола. – Вы согласны, Патриция?

И, повернувшись к Беатрис, Отто меняет тему разговора. Патриция какое-то время сидит со смущенным видом, а потом пытается разгладить многочисленные складки на своей мягкой мантии. По ее шее из-под воротника расплывается красное как мак пятно. Дора, почему-то изначально отнеся Отто к числу таких же сплетниц, понимает, что никогда больше не станет недооценивать свою новую соседку.

* * *

Когда приносят новые блюда – жидкое кроличье рагу и хлебный пудинг, – кто-то трогает Марианну за руку.

– А вы, мисс Грей?

Марианна поднимает глаза и видит лицо, обращенное к ней с явным ожиданием.

– Я спросила, почему вы решили поступить в Сент-Хью? – поясняет Патриция Клаф, очевидно не ступавшая после стычки с Отто. Марианна медлит с ответом, и Патриция продолжает: – Я выбрала его из-за мисс Журден. Она большой талант в современной лингвистике. И, что самое интересное, она видит привидения.

– Привидения? – вежливо переспрашивает Марианна. – Надо же.

Марианна знает, что их директор тоже дочь священника, правда, она одна из десяти детей. Марианна же – единственный ребенок, невольно убивший свою мать при рождении. Когда растешь возле церковного кладбища, волей-неволей ощущаешь присутствие умерших, она сама может это подтвердить.

– Мисс Журден – спиритуалистка. Всегда ходит в черном. В Оксфорде многие женщины экспериментируют с такими вещами, занимаются медитацией и прочим подобным. Общаются с божественной сущностью... – Патриция, судя по всему, не только осведомлена об интересных подробностях жизни колледжа – ей еще и не терпится поделиться ими.

– Мама говорит, она следит за всеми, как ястреб, а ночами бродит и проверяет, все ли в порядке, – говорит Беатрис, жуя кусочек хлеба. – Именно для этого она потребовала при строительстве колледжа разбить помещения на коридоры, а не на этажи – так удобнее следить за студентками. Во время войны она работала переводчицей и не раз устраивала облавы на немецких шпионов. В общем, ей лучше не перечить.

Марианна бросает взгляд на преподавательский стол. Мисс Журден, сидящая среди менее элегантных коллег, одета в черное платье с кружевным воротником, поверх темной ткани блестит рубиновый кулон; густые, пшеничного цвета волосы уложены в узел на затылке. Ее скорее можно принять за какую-нибудь модистку, чем за человека, наделенного способностью общаться с загробным миром. Директор поднимает глаза от своих записей и встречается взглядом с Марианной. Фиалковые глаза этой немолодой женщины вызывают какое-то неуютное чувство. Они смотрят друг на друга долю секунды, а затем мисс Журден стучит ложкой по стакану с водой, и в комнате становится тихо. Она встает и, откашлявшись, начинает:

– В этом триместре в университете будут учиться более пятисот женщин и четыре тысячи мужчин. Хотя мы и празднуем сегодня победу, нам еще есть к чему стремиться. Пока мы не имеем Королевской хартии, не обладаем всеми правами мужских колледжей и не можем участвовать в принятии решений на высшем уровне. Большинство клубов и печатных изданий остаются для нас закрытыми. Да, многие ученые-мужчины нас поддерживают, но немало и тех, кто считает студенток – цитирую – «второсортными глупышками».

Голос у мисс Журден легкий, женственный, однако Марианна уверена, что им можно резать металл.

– Мы живем в эпоху больших перемен, на нас лежит тень войны, в которой кое-кто все еще сражается. В этот ключевой для женщин Оксфорда момент очень важно поддерживать высокие стандарты. Мы не должны позволить маловеерам уличить нас в незнании правил приличия или недостатке интеллекта.

Беатрис с готовностью кивает.

– Давайте же покажем всему миру, какой ценный вклад женщины – и школа Сент-Хью – способны внести в образование и в жизнь общества. Давайте вместе идти вперед, вооружившись любознательностью, храбростью, усердием и достоинством. – Мисс Журден поднимает стакан с водой, словно провозглашая тост. – *Ubi concordia, ibi victoria*, леди. Где единство, там победа!

Раздаются долгие аплодисменты. Несколько девушек за дальними столиками утирают глаза. Марианна невольно чувствует, как надежда кошкой трется о ее ноги. Если она сумеет приспособиться к такой жизни – двадцать четыре недели в году, три года подряд, – то получит возможность обеспечить свое будущее, стать когда-нибудь преподавательницей или ученой. Нужно быть целеустремленной! Отец не вечен, а на замужество ей вряд ли придется рассчитывать. Доказать, что женщины равны мужчинам в интеллектуальном плане, посвятить себя умственному труду? Что ж, это уже что-то.

– Как вы думаете, такая еда будет каждый вечер? – спрашивает Отто, когда все четыре девушки выходят за дверь. – Два супа и пудинг – такой вязкий, что в нем можно потопить океанский лайнер?

Марианна не знает, что ответить. Этот ужин значительно превосходил ее обычный рацион.

– Давайте пойдем в мою комнату, – предлагает Отто, когда они доходят до восьмого коридора. – У меня есть имбирное печенье и граммофон.

* * *

Комната Отто так завалена всякой всячиной, что кажется вдвое меньше остальных. Марианна до сих пор и не подозревала, что у человека может быть столько красивых вещей. Свернутые в трубку коврики, перевязанные бечевкой, горки вышитых подушек, картины маслом, составленные у стены. Стопки журналов и грампластинок, баночка с ароматическими палочками, детские счеты, хрустальная пепельница, растение в горшке, раскинувшее в разные стороны гигантские руки-листья.

– Вы печатаете на машинке? – спрашивает Беатрис.

– Боже мой, ну конечно! У кого в наши дни есть время на что-то еще? Хотя где сейчас эта чертова машинка – ума не приложу, – говорит Отто, энергичными движениями заводя граммофон. – А не скажете ли вы нам, Спаркс, что такое ФПЭ?

– Это значит «философия, политика и экономика». Изучение структуры и принципов современного общества. И еще мы будем учить языки: французский, немецкий и итальянский. Идея состоит в том, чтобы подготовить людей, способных преуспеть на государственной службе, в бизнесе, в общественной жизни и так далее.

– Похоже, это ужасно тяжелый труд, – говорит Отто. – Но очень благородный.

Марианна не может удержаться от вопроса:

– Вы там единственная женщина?

– Нас три: еще две студентки – из Леди-Маргарет-холла и из Сомервиля, – отвечает Беатрис. – А через год-другой и новые примкнут.

– Наверняка, – кивает Отто и протягивает ей стопку грампластинок. – Выбирайте.

– Какой красивый оттенок синего, – замечает Дора, поглаживая шелковый шарфик, лежащий на диване.

Марианна старается не разглядывать Дору в упор, но это трудно. Дора, с ее печальными темными глазами и маленьким розовым ртом, вполне могла бы стать музой прерафаэлитов – подобно Джейн Моррис или Фанни Корнфорт¹⁵.

Отто берет шарф и бросает его Доре.

– Это старье? Возьмите себе, у меня таких целая дюжина.

– Спасибо, но я не могу. – Дора краснеет и аккуратно вешает шарфик на спинку дивана. – У вас такое интересное имя. Я никогда не встречала девушек по имени Отто.

Отто пожимает плечами.

– Мама его ненавидит, называет меня только Оттолайн – наверное, поэтому мне и нравится «Отто». – Она смеется, а затем затягивается так глубоко, что половина сигареты сразу превращается в пепел и падает на пол.

Марианна сдерживает порыв кинуться и поднять, а Отто небрежно отбрасывает пепел ногой в сторону камина.

– А во время войны из-за этого не было неприятностей? – спрашивает Беатрис, протягивая Отто грампластинку. – Имя-то вроде как немецкое.

– Ох, мне сто раз говорили, чтобы я его сменила, что такое имя может быть только у поклонницы гуннов и изменницы. Но я никого не слушала. Знаете, ведь Отто значит «удача в бою». Отец всегда хотел мальчика, а я у него младшая, вот ко мне и приклеилось такое прозвище. Он называл меня маленьким Бисмарком, потому что я умела обернуть любую ситуацию к собственной выгоде. Этим искусством я обязана тому, что росла одной из четырех сестер.

– Четырех? Боже ты мой! А я единственный ребенок, и Марианна тоже, – говорит Беатрис. – Правда ведь?

Марианна кивает.

– Конечно, самое прекрасное в имени Отто – это его симметрия, – улыбается Отто. – Если писать прописными буквами.

– К тому же это палиндром, – добавляет Беатрис.

– А вы заметили, что все наши полные имена состоят из восьми букв? – спрашивает Отто. – Теодора, Марианна, Беатрис и Оттолайн¹⁶. И коридор у нас восьмой. По-моему, это очень хороший знак. Имбирного печенья кто-нибудь хочет?

¹⁵ Джейн Моррис (1839–1914) – натурщица, жена художника-прерафаэлиты Уильяма Морриса и возлюбленная художника-прерафаэлиты Данте Габриэля Россетти. Фанни Корнфорт (1835–1909) – натурщица, экономка и возлюбленная художника-прерафаэлиты Данте Габриэля Россетти.

¹⁶ В английском варианте эти имена пишутся так: Theodora, Marianne, Beatrice и Ottoline.

Беатрис берет два.

– Так вы разбираетесь в нумерологии?

– Я не занимаюсь подсчетом букв, если вы об этом, но я и правда питаю слабость к числу восемь. Дома говорят, что я на нем помешалась. В Китае это счастливое число, потому что на китайском «восемь» звучит так же, как «богатство». А вот четверка считается несчастливой.

– К компании присутствующих это не относится, – вставляет Дора, и все смеются.

– Почему вы собираетесь уезжать домой на выходные, Марианна? – меняет тему Беатрис. – Я слышала, как вы говорили это Доре за ужином.

Все взгляды устремляются на Марианну, и щеки у нее вспыхивают.

– Только раз в две недели. Отец у меня нездоров, – поясняет она. – Мне разрешили ездить к нему, если я не буду отставать в учебе. Это недалеко, на поезде совсем быстро.

– Обидно. Вы ведь будете пропускать все развлечения по выходным, – говорит Дора. – По пятницам и субботам здесь все ходят в театр или на концерты.

– А как же учеба? – спрашивает Беатрис.

Марианна слышала, что ложь звучит убедительнее всего, когда опирается на правду.

– Можно и дома в субботу позаниматься, и в поезде что-то почитать, – говорит она. – Мой отец – приходской священник, и ему нужна моя помощь с воскресными службами. Сейчас у нас нет служки.

– Значит, вы будете уезжать во вторую, четвертую и шестую недели? – уточняет Отто.

– Да.

– Что ж, это уже что-то, – кивает Отто. – Не люблю нечетные числа. Помолитесь там за меня. Мне нужна любая помощь.

Больше девушки ни о чем не спрашивают Марианну, но она понимает, что ее планы вызвали недоумение. Неизвестно, сможет ли она учиться в таком режиме. Брать учебники с собой нет смысла: дома ведь у нее все равно не будет ни одной свободной минутки.

И, думая об этом, она понимает, что уже дала себе разрешение остаться здесь. По рукам и ногам разливается удивительное тепло. Другие девушки улыбаются и болтают между собой. Марианна наклоняется и берет с тарелки печенье.

Да, возможно, из ее плана что-то и выйдет.

Да, она останется.

Отто тем временем рассказывает:

– Мисс Ламб остановила меня после ужина и предупредила, что мисс Журден не терпит коротких стрижек. В прошлом году она заставила одну девушку отрастить волосы.

– Боже мой, – охает Дора. – А если она и вас попросит отрастить?

– Ну, этого я не боюсь, – отвечает Отто. – Удача в бою, помните? Но вы видели эту нелепицу?

Она берет со стола «Университетские правила для студенток» и взмахивает ими. Экземпляр этих правил лежит у каждой из них в ящичке для бумаг.

– Если не считать запрета на алкоголь в колледже – это, как я понимаю, личное распоряжение мисс Журден, так что прокторы тут ни при чем, – то мне больше всего нравится вот это. – Отто начинает высокопарным тоном зачитывать из списка: – «Она не имеет права без разрешения выходить в город после ужина и должна возвращаться к одиннадцати часам вечера, сообщая о своем появлении». – Она бросает документ Марианне на колени. – Я взрослый человек, в конце концов. Я живу в Лондоне. Часто я в одиннадцать только из дома выхожу. Похоже, самая дерзкая идея для безумной ночи тут – вечеринка с какао при свечах.

– Боже, а длинный-то какой, – говорит Марианна, просматривая список. – Я еще не читала.

– В общем, – подытоживает Дора, – если мы захотим хоть немного развлечься, придется сначала получить разрешение директора и заплатить сопровождающей. Без их ведома нам нельзя никуда ходить и даже разговаривать с мужчинами после лекций. Ужасные строгости.

– Мама говорит, что за всем этим стоит новый ректор, Фарнелл, – замечает Беатрис. – Он называет такой подход «равенство с разделением». Это сделает из Оксфорда посмешище.

– Хуже, чем в школе, – соглашается Дора. – А я школу окончила два года назад.

– А я и вовсе не ходила в школу, – говорит Беатрис. – У меня были репетиторы.

– Ну, тогда для вас это станет в некотором роде шоком, – смеется Дора.

– Не совсем. Я привыкла к большому женскому обществу, но о школе в детстве мечтала.

– А я в детстве мечтала с ней расстаться, – фыркает Отто. – А вы, Марианна?

– Я ходила в деревенскую школу, а потом отец сам меня учил, – говорит Марианна. – Но меня с раннего детства отпускали свободно гулять по всему приходу.

– Боже, не могу представить, чтобы папа меня учил, – корчит гримасу Отто. – Он убил бы нас обоих. – Она смотрит на Дору. – А вы где учились, Гринвуд?

– В Челтенхемской женской школе, – отвечает Дора. – Кажется, это было сто лет назад. Я понимаю, война все перевернула вверх дном, и мы старше, чем обычно бывают первокурсницы, но мне совсем не нравится, что в двадцать лет со мной обращаются как с ребенком.

Отто скидывает с кровати какую-то коробку, плюхается на матрас и зевает.

– Мне двадцать четыре. По сравнению с вами я музейная древность. И меня это, в общем-то, вполне устраивает, да и все равно у нас тут кавалеров негусто.

– Интересно, у мужчин те же правила, что у нас? – спрашивает Беатрис.

– Сопровождающие, которые ходят за ними по пятам, и запрет на спиртное в колледже? Очень сомневаюсь, – отвечает Отто. – Но я знаю, что в пабах им бывать запрещено. Прокторы ходят и разгоняют их.

Еще некоторое время они беседуют о своих списках литературы (длиннющих!) и о том, кто чем занимался во время войны. Отто рассказывает о работе в Оксфорде без особенных подробностей, зато Беатрис описывает свою должность машинистки в Женском добровольческом резерве во всех красках. Дора работала в курсантской библиотеке, пока не потеряла во Франции брата и жениха. Об этих событиях, признается она, ей до сих пор больно говорить.

На какое-то время признание Доры и соболезнования остальных вытесняют из комнаты все веселье. Марианне хочется рассказать Доре, что ей тоже знакома тяжесть утраты, что встреча в ночь прекращения огня едва не погубила ее. Но нет, нельзя доверяться этим девушкам, да еще в первый же день. И вообще никогда.

– Жизнь продолжается, – говорит Дора, а затем рассеянно оглядывается по сторонам и тихонько покашливает. – Может быть, вам помочь, Отто? Разобрать коробки, раз уж мы все здесь. Я люблю распаковывать вещи.

Остальные кивают, граммофон вновь начинает играть, и в комнату возвращается оживление.

– Какая великолепная идея! – Отто вскакивает с кровати и берет в руки дорогую дымчатую вазу с выгравированной на ней лучницей. – Электричество тут, судя по всему, отключают каждый вечер в одиннадцать, так что нам лучше поторопиться. – Она отступает на шаг и окидывает взглядом Беатрис. – Какой же все-таки у вас рост, Спаркс?

– Шесть футов с небольшим, – улыбается Беатрис.

– И впрямь амазонка. Что ж, мисс Спаркс, можете развесить картины.

5

Понедельник, 11 октября 1920 года (первая неделя)

Настоящим обязуюсь не выносить из библиотеки, не портить и никоим образом не повреждать тома, документы или другие предметы, принадлежащие ей или хранящиеся в ней; не проносить в библиотеку и не разжигать в ней огонь, не курить в ее помещении; также обещаю соблюдать все правила библиотеки.

– Моя мама на этой неделе приедет получать диплом, – сообщает Беатрис за завтраком.

Теперь, когда матрикуляция позади, весь колледж говорит о другой, еще более важной церемонии, которая должна состояться в четверг. Женщины всех возрастов со всей страны соберутся в Оксфорде, чтобы получить дипломы, которые они заработали в свои студенческие годы, но до сих пор не имеют на руках – выдавать их было запрещено.

– Мама училась в Сент-Хью, – продолжает Беатрис. – Так что потом она придет сюда на чай и произнесет речь. Она в дружбе с мисс Журден.

– Надеюсь, вы хоть поужинаете по-человечески, – говорит Отто, глядя на свою жидкую кашу. – Не могу понять, почему все нахваливают еду в Сент-Хью. Гадость же.

Беатрис засовывает отцовское письмо в карман жакета, берет тост и скромно кладет на него немного масла и мармелада. Дома она намазала бы вдвое щедрее, но уже заметила, что некоторые девушки здесь внимательно следят за подобными вещами.

– Мама будет занята с важными людьми, но папа пообещал пригласить меня на ужин.

– Я всегда мечтала встретиться с настоящей суфражисткой, – говорит Дора. – Ее арестовывали?

Беатрис кивает:

– О, маму арестовывали восемь раз, и дважды она попадала в Холлоуэй¹⁷. В первый раз она бросила кирпич в окно торговца картинами на Риджент-стрит и отсидела неделю. Во второй раз забралась на крышу и бросила кусок шиферной черепицы в асквитский поезд. За это она получила пять недель.

Девушки, завтракающие по соседству, прерывают свое занятие и прислушиваются. Ложки перестают звенеть, чайные чашки висают в воздухе. Суфражистки считаются в женском колледже общим достоянием, и Беатрис уже привыкла к поклонению, которым окружена Эдит Спаркс.

– Во второй раз она объявила голодовку, и ее кормили насильно. Ее рвало кровью. По ее словам, это было для нее самое страшное унижение в жизни. Хуже родов. Она потеряла сознание, ударилась головой и очнулась в лазарете. Мученическая смерть им была не нужна, поэтому ее выпустили раньше срока.

– Ужас какой, – отзывается Марианна. Лицо у нее бледное, но вид уже не такой затравленный, как четыре дня назад.

– О, она была в восторге от такого внимания! – Беатрис наливает себе еще чая, подавляя зевок. – Мама ужасно гордится своей медалью за голодовку – говорит, это ее величайшее достижение за всю жизнь.

– Ну, все-таки... Вам тогда, наверное, нелегко пришлось, – предполагает Марианна. – Ужасно одиноко было, да?

¹⁷ Холлоуэй – тюрьма в Лондоне, существовавшая с 1852 до 2016 год. В 1903-м стала принимать исключительно женщин. Перед Первой мировой войной в ней отбывали наказание нарушившие закон суфражистки.

– Я привыкла. Она и так редко бывала дома. Мной занимались няня и учителя. Мама нисколько не скрывает, что не создана для материнства. Часто говорит, что никогда не хотела иметь детей.

На мгновение все умолкают.

– Боже мой! – вздыхает Дора.

– А ваш отец поддерживает суфражизм? – спрашивает Марианна.

– О да, абсолютно. Он обожает маму, хотя и беспокоился, когда они начали действовать под девизом «Дела, а не слова». Ходил за ней повсюду, как тень. Она ведь его вторая жена. Он намного старше ее. Они познакомились в художественной галерее, когда она увлекалась скульптурой.

– А у моей мамы энтузиазм вызывает только теплое молоко за послеобеденным чаем, – рассказывает Дора. – Она считает, что женская борьба за избирательные права – это что-то чудовищное.

– А моей нравится сама идея, но у нее нет ни малейшего желания как-то участвовать в этом, – говорит Отто. – Снимаю шляпу перед вашей мамой.

Поддерживая тему, две первокурсницы, Нора Сперлинг и Айви Найтингейл, развлекают весь стол рассказами о том, как их матери, некогда лучшие подруги, поссорились из-за вопроса о воинствующем суфражизме и с тех пор не разговаривают. Их отцы теперь вынуждены обедать в своем клубе тайно.

Отто это приводит в восторг.

– О, это замечательно, расскажите еще!

Марианна смеется вместе с остальными, и черты ее лица на мгновение смягчаются. Беатрис вспоминает, что у Марианны мама умерла. Может, следовало проявить побольше такта и вообще не поднимать тему матерей? Насколько она успела заметить, Марианна – девушка весьма здравомыслящая, и едва ли это ее задело, но все же не хотелось бы расстраивать новую подругу. Вот бы в Бодде нашлась книга о дружеском этикете – в кожаном переплете, с комментариями, зачитанная, с загнутыми уголками страниц на самых важных разделах, таких как «Смерть родителей», – вот тогда она быстро вошла бы в курс дела.

* * *

По пути в свою комнату Беатрис останавливается и разглядывает фотографии в рамках, развешанные по стенам главного коридора. Она быстро находит на них свою мать, окруженную разномастной группой современниц. Все они держат в руках самые разнообразные предметы – от скрипок до хоккейных клюшек. Одна женщина с круглым, как луна, лицом – и единственная, кто улыбается, – прижимает к себе мопса. Эдит Спарк выглядит совсем молодой: тонкая талия, лоб без морщин. Она стоит рядом со своими подругами – мисс Дэвисон и мисс Рикс. Несмотря на свой вспыльчивый характер, мать никогда не испытывала недостатка в приятельницах, чему Беатрис завидовала. Однако она и представить себе не могла, что дружба состоит из таких простых, обыденных дел: сговариваться идти куда-то вместе, делиться расписанием на день, одалживать вещи. Не то чтобы ей это не нравилось, но такая зависимость друг от друга и постоянное общество других ей в новинку. Иногда ей отчаянно хочется побыть одной – мать, несомненно, сочла бы это слабостью.

– Это все немного в духе Ф. Т. Барнума¹⁸, правда? – говорит Отто, откуда-то возникшая рядом и внимательно разглядывающая фотографию. – Знаете что? Мы тоже должны сделать

¹⁸ Финейс Тейлор Барнум (1810–1891) – американский шоумен, предприниматель, мистификатор, основатель современного американского цирка, начавшегося с показа публике уродцев, лилипутов, великанов и прочих необычных людей.

такое фото. Портрет «восьмерок», отправляющихся на первую лекцию. У меня в комнате есть «Брауни»¹⁹. Что скажете?

– Отличная идея, – отзывается Беатрис.

* * *

По дороге из колледжа они заходят в сад, чтобы сфотографироваться. На цветочных клумбах, уже переживших свои лучшие дни, торчат увядшие стебли, пожелтевшие дубовые листья устилают лужайку.

– Встаньте вон там, – говорит Отто остальным. Она очень довольна своим фотоаппаратом, Kodak Brownie № 2 Autographic, – еще одним прощальным подарком Гerti. Последняя модель в корпусе, обтянутом черной кожей, с посеребренными деталями и позолоченной окантовкой, к тому же идеального размера – умещается в корзину велосипеда.

Отто устанавливает «Брауни» на садовые солнечные часы и смотрит в видоискатель. Сговорившись с проходящей мимо служительницей, что та нажмет на спуск, она щелкает задвижкой сбоку, и объектив выдвигается вперед на прямоугольниках сложенного гармошкой холста, напоминая часы с кукушкой. Отто подкручивает серебряное кольцо со стрелочками вокруг диафрагмы, выбирает «облачно» и «среднее расстояние», а затем подбегает и встает возле Марианны.

– Улыбочку! – Она подталкивает подруг локтями. – Марианна, к вам тоже относится.

Отто упирает руку в бедро, приподнимает брови на полдюйма и чуть склоняет голову набок. Марианна, стоящая за ее левым плечом, неловко стискивает ладони. От нее пахнет мылом и кофе. Слева от Марианны – Дора, неправдоподобно цветущая, с темными ресницами и безупречной кожей; она замерла, сцепив руки за спиной. С другого края – Беатрис: волосы в беспорядке, пояс врезался в талию, а жакет никак не хочет сходиться на бедрах. Она похожа на веселую кухарку из детской сказки. Еще пару недель назад Отто и представить себя не могла в такой странной компании, но это неожиданное соседство начитает ей нравиться все больше.

Раздается щелчок: затвор спущен. Отто снова подходит к фотоаппарату, открывает заднюю крышку и, как показывала ей сестра, пишет иглой на красной бумаге дату: 11 октября 1920 года.

– Вы собираетесь вступать в какие-нибудь клубы? – спрашивает Дора, когда они берут свои сумки и идут к выходу. – Я непременно буду играть в хоккей и теннис, а вот насчет лакросса еще не решила.

– Я думаю о хоре Баха, – говорит Марианна.

– Хм, хор Баха...

Отто прикуривает сигарету и бросает спичку в кашпо с фиолетовыми цикламенами.

– Он смешанный, – добавляет Марианна. – Один из немногих смешанных клубов.

– Даже если так, я не вижу себя в хоре, дорогая, а вы? – Отто указывает на велосипедные стойки вдоль стены. – Кстати, мы должны приучить вас с Беатрис ездить на велосипеде. Ненавижу ходить пешком – почти так же, как ездить на омнибусах.

– Я каталась на папином велосипеде, – говорит Марианна, – но это было давно. Мисс Журден сказала, что я могу взять велосипед в колледже.

– А мой прибудет на следующей неделе, – добавляет Беатрис.

Отто зевает.

– Можно пойти в парк потренироваться. Устроим пикник.

¹⁹ Речь идет о камере Kodak Brownie из семейства дешевых фотоаппаратов простейшего типа, которые компания Eastman Kodak выпускала с 1900 года на протяжении нескольких десятилетий.

– Хорошая мысль, – поддерживает Дора. – В последнее время я чувствую, что засиделась в четырех стенах. Дома я почти каждый вечер играла в теннис.

– Мама считает, что мне нужно заняться спортом, – с сомнением в голосе произносит Беатрис. – Говорит, это всегда идет на пользу.

– В этом году женщины завоевали пятую часть всех медалей на Олимпийских играх, – сообщает Дора. – Большинство из них – в теннисе. Рекомендую.

– Думаю, для начала я вступлю в «Войну и мир» и в Дискуссионный клуб, – говорит Беатрис. – Хотя, как я слышала, клуб любителей эссе тоже неплох.

Отто насмешливо фыркает:

– Я вообще-то не любительница клубов. Разве что этот клуб находится в Лондоне и нарушает сухой закон. – Она протягивает фотоаппарат Доре. – Но раз уж вы выступаете за активный образ жизни, не хотите ли прогуляться в корпус?

Дора закатывает глаза, затем кивает и бежит в сторону восьмого коридора. Отто кричит ей вслеп:

– Встретимся на выходе!

«Превосходная все-таки осанка у Доры», – думает она и тоже распрямляет плечи.

У главных ворот их обгоняют две третьекурсницы. Они однойцевые близнецы – болезненно худые, как вешалки для шляп, с одинаковыми римскими носами. На обеих под университетскими мантиями надеты плащи, и одна катит перед собой обшарпанный черный мотоцикл.

– Я слышала о них, – шепчет Беатрис. – Во время войны они работали посыльными в Лондоне.

– Ой, вот бы мне такой, – говорит Отто. – Гораздо быстрее, чем крутить педали.

Одна из близнецов прислоняет машину к дереву и застегивает шлем сначала на себе, а потом на сестре. Первокурсницы заворуженно наблюдают, как девушки приподнимают юбки, под которыми оказываются одинаковые гетры и ботинки, и по очереди устраиваются на сиденье.

Затем та, что сидит на водительском месте, наклоняется вперед и берет за руль. Ее сестра тоже подается вперед, и фигуры становятся параллельными – обе под углом сорок пять градусов.

– Как замечательно, что они могут никогда не разлучаться, – говорит Марианна, когда мотоцикл уносится по дороге, выкашливая клубы дыма, пахнущего железом.

– А я как раз за этим сюда и приехала, – говорит Отто, раздувая ноздри. – Чтобы убраться подальше от своих сестер.

* * *

Первая лекция в году, посвященная Бодлианской библиотеке, проходит в обеденном зале Эксетерского колледжа.

– Вход для женщин здесь. – Привратник ведет их к той из двух дубовых дверей, что расположена дальше, и показывает на один из длинных узких столов, за которым они все должны усесться.

Тяжелые скамьи не рассчитаны на то, чтобы на них сидели в юбках, так что даже Доре не удастся сохранить элегантность, усаживаясь на свое место. Липкие темные сиденья усеяны крошками от чьего-то завтрака и каплями пролитого молока. Отто рада уже тому, что лекции теперь проходят без сопровождающих, однако вчера за ужином им не раз напомнили о запрете разговаривать со студентами мужского пола до или после занятий. Нельзя же отвлекать молодых людей от учебы!

Студенты-мужчины тянутся друг за другом в первую дверь. Некоторые, заметив девушек, краснеют, поправляют воротнички, нервно приглаживают волосы. Другие подталкивают соседей локтями и перешептываются. Отто сразу отличает недавно демобилизованных – по глубоким морщинам на лицах. Те, кто помоложе, – вероятно, только что из Итона, Чартерхауса или Регби, – мало что знают о тех кошмарах, которые мучают их старших соучеников. Отто замечает среди ветеранов знакомое лицо: кажется, это друг Герти или их средней сестры Виты. Рыжеволосый парень сидит в конце центрального ряда, лицом к девушкам. Словно услышав мысли Отто, он поднимает голову от тетради и встречается с Отто взглядом, но та и теперь не может понять. Она пытается вспомнить, где же они встречались раньше, и эта мысль не дает ей покоя. Отто терпеть не может, когда что-то ускользает из-под ее контроля.

Она знает, что выглядит нелепо в своем студенческом наряде. Что за гений додумался надеть на девушек шапочки, какие носили студенты четыреста лет назад? Они ужасно колючие. Отто уже пробовала натягивать свою на уши и сдвигать на затылок, но ничего не помогает. Удивительно, но Марианна, длинношеяя, как гусыня, выглядит так, словно родилась в этой шапочке. За последние дни Марианна успела проявить и отзывчивость, и сдержанное чувство юмора, и такое сочетание кажется Отто неожиданно привлекательным, однако сегодня у Марианны вновь озабоченный вид, а руки она стискивает так, что белеющие костяшки пальцев напоминают жемчужины.

– Это всего лишь беседа, мы же не идем ко дну вместе с «Титаником», – шепчет Отто ей на ухо.

Марианна поворачивается к ней:

– Я никогда не видела ничего подобного. Здесь, наверное, сидели Уильям Моррис и Бёрн-Джонс²⁰. – Она указывает жестом на скамейку рядом с собой. – На этом самом месте.

Отто вслед за ней обводит взглядом зал с высокими балками и обшитыми панелями стенами. Из золоченых рам глядят ректоры в курчавых париках, а над ними – украшенная резьбой галерея, где кто-то, наверное, играл на лютне. Черно-белая плитка на полу, судя по виду, положена недавно. Над столами через равные промежутки висят электрические лампы в гофрированных темно-красных абажурах. Все это кажется Отто довольно внушительным.

– Не забывайте, что Уильям Моррис был всего лишь человек, – шепчет она Марианне. – Просто мужчина с кошмарной бородой.

* * *

Дойдя до кафедры в дальнем конце зала, мистер Артур Коули – библиотекарь Бодли – отмечает присутствие студенток обращением к залу: «джентльмены... и леди», что вызывает ропот и полусутоливые аплодисменты. Мистер Коули не похож ни на мумию, ни на отшельника, каким его представляла себе Дора: он румян и добродушен. Он не предлагает Беатрис ответить на вопрос, несмотря на ее поднятую руку, при этом охотно обменивается шутками с некоторыми молодыми людьми, сидящими впереди.

Пока Коули рассказывает об истории библиотеки, ее устройстве и традициях, а также о том, что в ней хранятся все книги, изданные в Британии, Дора вспоминает необычный разговор, состоявшийся между «восьмерками» вчера вечером. После ужина они снова собрались в комнате Отто, и Беатрис поведала им о Мари Стоупс и ее книге «Любовь в браке», где приводятся разные советы о зачатии и о том, как его избежать. «Вот такую шапочку женщина надевает с радостью!» – заметила Отто сквозь неудержимый смех. Они согласились, что современные женщины должны обсуждать такие вещи, а не узнавать о них, наблюдая за совокуплением животных, как когда-то их родители. Отто рассказала, что некоторые мужчины из Оксфорда

²⁰ Уильям Моррис (1834–1896) и Эдвард Коли Бёрн-Джонс (1833–1898) – художники, оба учились в Оксфорде.

ездят в Лондон, чтобы сходить к проституткам, а возвращаются на позднем поезде, идущем с Паддингтонского вокзала, который прозвали «Прелюбодеем». Разговор вышел ужасно неловким и в то же время неотразимо увлекательным. В ту ночь в постели при мысли о том, как они могли бы делать все это с Чарльзом, Дора чувствовала, как пульс тяжело бьется между ног. Она наверняка выставила бы себя полной дурочкой.

Сегодня она много думает о нем. Наверное, это Оксфорд ее растревожил. Она вспоминает его раздвоенный подбородок и его неуклюжее предложение, сделанное в прихожей. Думает о том, что сейчас он сидел бы на лекции – может быть, на этой самой. О том, как же это все несправедливо. Даже когда после лекции они идут в Бодлиан, чтобы принести библиотечную клятву, Дора не может удержаться от сравнения: под какой защитой находятся книги в Оксфорде и сколь беззащитны жизни, погубленные во Франции. Книги хранят в священных зданиях и ревностно оберегают. На руки не выдают из опасения, как бы их не испачкали, не испортили, не повредили. От посетителей требуют клятвенных заверений в том, что они никогда не подвергнут тома воздействию «огня или пламени».

Вот если бы Чарльза и Джорджа ценили столь же высоко.

* * *

Во вторник Дора проходит экзамен на степень бакалавра, который должен показать, насколько хорошо она знает математику и латынь: она ведь не сдавала квалификационные экзамены в школе, как другие девушки из восьмого коридора. Математика оказалась сложнее, чем она ожидала, но это не беда. В среду у нее первое занятие. На англосаксонский язык вместе с ней будет ходить Марианна и еще две девушки – Темперанс и Джозефина, а вот раннюю и среднюю английскую литературу Доре в этом году предстоит изучать наедине с мисс Финч. Как ни странно, новый язык Дору не пугает, зато мысль о том, что она окажется с глазу на глаз с оксфордской преподавательницей, приводит ее в настоящий ужас. Когда она стучит в дверь кабинета, у нее дрожат руки.

Мисс Финч – коренастая седовласая женщина, считающая беспощадную честность добродетелью. Она вышагивает перед Дорой, засунув руки в карманы твидового пиджака.

– Следующие несколько недель мы будем изучать «Беовульфа». Вам нужно прочитать его до следующей недели и попытаться перевести. Что вы знаете об аллитерационном стихе, мисс Гринвуд?

Когда на Дору не падает тень от мисс Финч, солнечный свет льется сквозь оконные стекла прямо ей на макушку. Ей трудно сосредоточиться, и она не понимает, что мисс Финч хочет от нее услышать. Что это – экзамен, дискуссия или и то и другое? Здесь все совсем не так, как в школе.

– Это устная традиция, – говорит Дора наконец, взглядываясь в лицо преподавательницы в ожидании реакции. Кажется, ответ правильный. – И поэтому такой стих должен быть легко запоминающимся и увлекательным.

– Рассказывайте дальше, – кивает мисс Финч. Подталкивает ее, направляет.

Дора судорожно подбирает слова.

– Возможно, у этой поэмы было множество вариантов. Она могла немного изменяться каждый раз, когда ее рассказывали заново.

Глаза мисс Финч сужаются.

– Так как же мы можем доверять тому, что читаем?

– Думаю, нам следует полагаться на тот текст, который до нас дошел, – отвечает Дора. – Хотя, возможно, он говорит нам что-то и о переписчике.

– Хорошо, хорошо, – бормочет мисс Финч, протягивая Доре потрепанную книгу по англосаксонской грамматике. – Для начала нам лучше пройти по основам. А завтра проведем груп-

повое обсуждение. Знаете ли вы, что первое зафиксированное употребление слова «друг» – *freond* – встречается именно в «Беовульфе»?

К концу этого часа Дора приходит к выводу, что мисс Финч не так уж и страшна, как сперва показалось, хотя ей, судя по всему, не удалось произвести впечатление на преподавательницу. Дора знает: ей повезло оказаться здесь, занять место в Оксфорде мечтают многие женщины, но все же она остро чувствует, что готова отдать все это, лишь бы вернуть Чарльза или Джорджа. Ни на секунду не задумалась бы.

– Как вы полагаете, это нормально – видеть войну во всем, что читаешь? – спрашивает она вдруг, не удержавшись.

Впервые мисс Финч смотрит на нее с неподдельным интересом.

– Потому что я не могу читать книги, пьесы, стихи и не думать о ней, – добавляет Дора.

Мисс Финч не хмыкает презрительно, не смеется: она смотрит на Дору с непроницаемым выражением лица. Дора не упоминает, что утром, на первой лекции, думала о Чарльзе. Даже сейчас, через три года, он мерещится ей повсюду. Она не рассказывает преподавательнице всей правды – а правда в том, что она почти все время видит мир сквозь призму войны.

– Я знаю людей, которые во время войны вообще не могли читать художественную литературу, – наконец произносит мисс Финч, прихлопывая муху на подоконнике. – Я бы сказала, это очень личная реакция, но совершенно нормальная. – Она размазывает насекомое пальцем по оконному стеклу и вздыхает. – Я могу говорить только за себя. Война, несомненно, изменила мое восприятие Шекспира. Прошло уже два мирных года, а комедии, где люди воскресают из мертвых или выдают себя за других, по-прежнему кажутся мне дикими. Но в его хрониках и трагедиях у меня находит отклик тема хаоса, вызванного «безудержным честолюбьем». Может быть, способность смотреть шекспировскую комедию – это то, к чему мы должны стремиться, вернейший знак перехода к мирной жизни?

Как было бы замечательно, если бы жизнь была комедией, а не трагедией, думает Дора. Тогда они могли бы все вместе выйти из Эшриджского леса: и она, и Чарльз, и Джордж. Люди воскресли бы из мертвых или вернулись бы в виде своих двойников, и все завершилось бы свадебным завтраком в гольф-клубе.

– Что вы любите читать, мисс Гринвуд?

– На отдыхе или в поезде я люблю почитать детективы, но мои любимые авторы – Шарлотта Бронте и Джейн Остин. И стихи я тоже люблю – Харди, Вордсворта, Браунинга.

Мисс Финч стряхивает останки насекомого в корзинку для мусора.

– Я часто размышляю о том, почему детективы сейчас так популярны. Если вдуматься, в них содержатся все элементы шекспировской трагедии. Когда увидите мисс Кокс, одну из ваших сопровождающих, попросите ее что-нибудь вам порекомендовать. Она большая поклонница этого жанра.

Дора встает, и мисс Финч протягивает ей листок бумаги.

– О, я забыла сказать: вы успешно сдали латынь, а вот математику, боюсь, придется пересдавать.

– Я провалилась? – переспрашивает Дора.

Она еще никогда в жизни не проваливала экзамены. Обескураженная, она садится обратно в кресло. Либо она сделала какие-то ошибки по небрежности, либо виноваты ее нетвердые познания в алгебре. Последний год в Челтнеме был сущим кошмаром. Она так много времени проводила дома или сидела, оцепеневшая, в своей комнате в школе, что руководство предложило помощнице взять на себя ее обязанности старосты. Почему она не сдала оксфордские испытания перед отъездом? Тогда ей вообще не пришлось бы держать эти чертовы экзамены на бакалавра.

– Не стоит беспокоиться, вы можете попробовать еще раз. – Мисс Финч ободряюще улыбается. – Сроки строго не ограничены, но до конца учебного года экзамен нужно сдать. Думаю,

вам придется немного поднапрячься, возможно, нанять репетитора, а в следующем триместре попытаться снова.

6

Четверг, 14 октября 1920 года (первая неделя)

Колледж Сент-Хью, Оксфорд

Милая Герт, на прошлой неделе ты очень поддержала меня. Что бы я без тебя делала? Спасибо за подарки. Отец прислал корзину с едой, Вита – шарф, Тедди – цветы. От мамы и Каро, как и ожидалось, ничего.

*Как ни грустно это признавать, ты была не так уж неправа, когда сравнила Сент-Хью с тюрьмой. Адские колокола звонят сутки напролет, и мы – в точности как заключенные, со слипающимися после сна глазами, – обязаны КАЖДОЕ УТРО идти в часовню на переключку. На днях я спросила служительницу, нельзя ли мне получить завтрак на подносе, а она оскаллилась, будто бродячая собака, которую прижали к забору в переулке. Оказывается, подносы разрешаются только в особых случаях. Директор считает, что мы должны сидеть за столом все вместе, как «христианская семья». *Quelle horreur*²¹.*

Мы заключили тайный уговор с Мод (служительницей). Она будит меня каждое утро в семь часов кофе с молоком, а я плачу ей два шиллинга в триместр. Несмотря на грубоватые манеры, Мод понимает важность конспирации. Тут же она сообщила, что виноторговец из Хай может доставлять свой товар в женские колледжи в неподписанных пакетах. Думаю, мы с ней отлично поладим.

Сегодня утром мы собрались в библиотеке, чтобы поговорить об экзаменах, и несколько невыщипанных бровей взлетели вверх из-за моей новой помады от Max Factor. Из библиотеки открывается вид на сад, и прямо в центре лужайки стоит тонкое деревце, которое выглядит там совершенно неуместно. Нам рассказали, что эта метелка – объект великого поклонения, известный как магнолия Прекращения огня. Но столь почетный статус не помешал здешней кошке присесть прямо у ствола и сделать свои дела.

Похоже, весь наш первый год будет посвящен сдаче экзаменов, призванных доказать, что мы достаточно умны, чтобы учиться здесь. Провалилась – выбываешь. Математику мне сдавать не надо. Зато в июне нас всех будут экзаменовать по латыни и логике, а в следующем триместре – по Новому Завету. Пожалуйста, не говори Каро, что мне предстоит изучать Библию. Она будет изводить меня этим несколько месяцев.

Судя по всему, когда я выйду отсюда со степенью бакалавра, моя квалификация позволит мне работать секретарем или учительницей. Ты скажешь об этом маме? Или лучше я сама?

Целую, Отто

* * *

Ровно через неделю после отъезда из дома Марианна просыпается на рассвете. Густые, лоснящиеся полосы света падают на покрывало. Будто слои масляной краски.

За окном в пожелтевших вишневых деревьях выводят трели малиновки и черные дрозды, а в корпусе утро возвещают шаги Мод. Марианна знает, как начинается день служительницы. Ведра с углем, огонь в каминах, белье, которое нужно собрать, мусорные корзины, кото-

²¹ Какой ужас (фр.).

рые необходимо опустошить. Утренний кофе для Отто. Потом разобрать постели, выгладить одежду, вымыть полы, сбегать по разным поручениям. К счастью, у самой Марианны таких обязанностей по дому стало меньше с тех пор, как в прошлом году к ним пришла миссис Уорд.

Мод работает сноровисто, избегая разговоров с обитательницами своего коридора. Когда она сосредоточена, то часто издает забавное фырканье, которое Отто уже начала передразнивать. Худая, плоскогрудая, Мод говорит в нос, и руки у нее мускулистые, как у мальчишки. Марианна ее слегка побаивается.

Начинает Мод всегда с кабинета мисс Бейзли и проводит там меньше десяти минут. Затем переходит в комнату Отто, где подбирает все, что валяется под ногами: черепаховые гребни, портсигар, носовые платки, испачканные коралловой помадой, которые придется кипятить. В комнате Беатрис она бесшумно собирает чайные чашки, складывает в стопку старые газеты и достает грязное белье из корзины. Возможно, заправляя за ухо сальную прядь волос и бросая взгляд на спящую фигуру, Мод думает о том, почему ее сверстницам можно целыми днями чесать языком и называть это учебой, а она должна за ними убирать. Затем она отправляется в комнату Доры, чтобы развести огонь, но там долго не задерживается: Дора – сама аккуратность, у нее всегда все в порядке.

Марианна намеревалась весь триместр держаться в тени, находя себе занятия: пуговицы, которые нужно пришить, ботинки, которые нужно вычистить, книги, которые нужно прочитать. Намеревалась не отвлекаться от учебы, не заводить слишком много подруг, которым придется слишком много врать. Но другие девушки то и дело стучат в ее дверь: зовут идти вместе на обед, на ознакомительные беседы, на чаепития в комнате отдыха. Приглашают вступить в какой-нибудь клуб, посидеть в библиотеке, сходить погулять. Иногда стучат просто так – потому что вышли из своих комнат в туалет, так почему бы заодно не поболтать. Марианна никогда не жила бок о бок с другими девушками, не слышала их храпа за стенкой. Но теперь она уже каждую различает по походке, узнает решительные шаги Беатрис в мужских ботинках, легкую поступь Доры и шаркающую – Отто. Они нанизали на нитку квадратики бумаги и повесили на каждую дверь вместе с огрызком карандаша, чтобы оставлять друг другу записочки: «Ушла в Бод с Отто», «Встречаемся у выхода в 11 утра», «Мы в ОКМ». Девушек так часто видят вместе, что в колледже их уже прозвали «восьмерками».

Накануне вечером они сварили на кухне какао и пили его в саду после наступления темноты. Небо было бархатно-черное, усыпанное звездами. Они нашли Пегаса (перевернутого) и длинноногого Водолея. Дора клялась, что видит шляпную стойку, а Отто утверждала, что разглядела женскую грудь («большущую, совсем как у вас, Беатрис»), и тогда они принялись сочинять гороскопы. Всякое ребячество: «Шляпные стойки – постарайтесь не быть такими жесткими. Грудь – будьте осторожны, чтобы не привлечь к себе нежелательного внимания». Марианна поймала себя на том, что впервые за долгое время смеется по-настоящему, так, как смеются люди, когда чувствуют себя свободными.

Наконец Мод входит и в ее комнату, и, чтобы не смущать ни себя, ни служительницу, Марианна притворяется спящей. Она вспоминает о своих конспектах, книгах и авторучке, которые оставила вчера на столе после первого занятия с мисс Финч, переваривая глубокомысленные теории преподавательницы о Гренделе и его матери. Вернувшись в свою комнату, она сняла медальон, чтобы умыться перед ужином, и аккуратно уложила цепочку спиралью. Мод наверняка уже увидела его и, возможно, удивилась его дороговизне. Вероятно, даже взяла в руки, не удержавшись от искушения рассмотреть поближе. Может быть, сейчас она опорожняет бельевую корзину, стоящую у стола, украдкой смахивает медальон локтем и смотрит, как он зарывается в ворох грязного белья.

Марианна быстро поднимается и нашаривает на холодном полу тапочки. Мод стоит на коленях у камина, укладывая хворост шалашиком. Она фыркает и вытирает пальцы о юбку,

оставляя на ней следы, напоминающие хвосты комет. Медальон лежит на столе – так, как Марианна его оставила, – и его драгоценное содержимое надежно спрятано внутри.

* * *

Колледж Сент-Хью, 14 октября 1920 года

Дорогая Хильда!

Твои письма – большое утешение, спасибо тебе. Здесь меня окружает столько новых и ярких лиц, что голос, памятный еще по школе, очень радуется. Мне очень хотелось бы узнать побольше о жизни студенток в Гиртоне и о том, нравится ли тебе Кембридж.

В Оксфорде сегодня впервые вручили дипломы женщинам! Сразу после завтрака весь колледж en masse²² отправился в Шелдонский театр. Нас сопровождала мисс Кокс, матрона на пенсии, разделяющая наше увлечение детективами. По дороге в город она порекомендовала нам нового автора – Агату Кристи, чей первый роман, «Таинственное происшествие в Стайлз», был опубликован в «Таймс». Знаком ли он тебе? Очевидно, миссис Кристи поставила перед собой задачу написать роман, в котором невозможно вычислить преступника, и ей это превосходнейшим образом удалось. Цитирую мисс Кокс: «Вся история безумно запутанная, и раскрывает ее один коротышка из Бельгии». Затем мисс Кокс рассказала, что однажды она сопровождала девушек из Оксфорда до самого Дублина, где те получали ученые степени в Тринити-колледже! Их прозвали «леди с парохода», потому что рано утром они отправились в Дублин, после обеда взяли в прокате мантии, на следующее утро пришли на церемонию, а вечером уже отплыли домой. Разумеется, мы подняли ужасный шум вокруг мисс Кокс после этого известия. Отто назвала ее героиней, и она даже раскраснелась от удовольствия. Тогда я совершила ошибку – высказала вслух недоумение: зачем столько женщин учились в Оксфорде, зная, что диплома все равно не получают? Беатрис тут же затараторила, что Оксфорд – центр образования в Империи, и «если мы хотим равенства в представительстве, то должны показать, что способны конкурировать на самом высоком уровне». К счастью, Отто, как обычно, спасла положение, переведя разговор на Патрицию Клаф (не в меру говорливую лингвистку с первого курса) и на то, как она ей, Отто, несимпатична.

Когда мы пришли на Брод-стрит, она уже была битком набита женщинами от восемнадцати до восьмидесяти лет. Видела бы ты это, Хильда! Так забавно было в кои-то веки видеть мужчин в меньшинстве и смотреть, как добровольные помощники из четырех колледжей и Ассоциации домашнего обучения сдерживают толпу. Мои мысли перескочили на маму: как жаль, что она никогда не поймет, какое значение имеют подобные вещи. Как бы она ни сводила меня с ума своей ограниченностью, я все-таки чувствую потребность в ее одобрении.

Когда мы присоединились к толпе, собравшейся на вымощенной камнем площадке, в зале уже царил атмосфера карнавала. Хор женских голосов был таким громким, что заглушал даже колокола колледжа, а добровольцы раздавали красные гвоздики. Они пахли мокрыми монетами, но мы все-таки приколоты их к лацканам. Отто потянула нас к Шелдонскому театру, шипя, что мы должны спасти ее от Патриции и «ее мохнатой губы». Пока мы стояли, созерцая тринадцать огромных каменных голов, венчающих столбы ограды, мисс Кокс объяснила, что каждый из этих известняковых «императоров» когда-то обладал своими неповторимыми чертами лица и бородой, а теперь же дожди и ветра превратили их в упырей с приплюснутыми носами и провалившимися глазницами. Я же могла думать только об одном: об ожогах, оставленных горчичным газом²³. О людях, у которых кожа блестит и натягивается так, что даже моргнуть нельзя.

²² Целиком, в полном составе (фр.).

²³ Горчичный газ (иприт) – отравляющее вещество кожно-нарывного действия, был впервые применен в качестве оружия

«Все мы такими будем через пятьдесят лет, – сказала Отто, ткнув меня локтем. – Но у Патриции будут самые красивые усы».

Я не удержалась от смеха. Отто все-таки бесподобна.

Мужчины вышли первыми, и позже мы узнали: они получили свои дипломы раньше женщин, – и это нас несколько разочаровало. Когда наконец и женщины вышли поприветствовать публику, мы увидели маму Беатрис и нашу директрису, мисс Журден. Выпускницы с серьезным видом позировали для фото и выглядели достойно даже в этих квадратных шапочках. Странно думать, что теперь, спустя столько лет борьбы за дипломы, женщинам достаточно просто прийти и заплатить семь фунтов и десять шиллингов за эту привилегию!

Как выразилась мисс Журден, это был «женский день, день, который женщины будут помнить». Сегодня днем у нас будут прием и чаепитие, куда я и отправляюсь через минуту.

Пробы в хоккейную команду прошли хорошо. Игры начнутся на следующей неделе. Меня огорчает, что из-за нехватки практики я отстала в математике и буду вынуждена пересдавать тест в следующем триместре. А у меня и без того много работы: латынь, логика, богословие, англосаксонский язык – все это довольно пугающе.

Однако постоянная занятость помогает держать в узде мрачные мысли.

Напиши, как поживают твои братья. Дэвид уже встал с инвалидного кресла? Я часто думаю о них обоих.

С любовью, Дора

* * *

Позже в тот же день женщины из Сент-Хью собираются на скромный прием в колледже. В обеденном зале пахнет как в чайнике, окна запотели. Мод, явно чувствующая себя неловко в накрахмаленном фартуке и головной повязке, подает бутерброды с рыбной пастой и пирожки с джемом. Звенят чашки, гул разговоров то нарастает, то затихает, словно прибор на галечном пляже.

Теперь, когда всем стало известно, кто ее мать, остальные студентки окружили Беатрис лестным вниманием; на первом собрании клуба «Война и мир» (членский взнос – два шиллинга и шесть пенсов) Джозефина Боствик даже настояла на том, чтобы последний инжирный рулет достался именно Беатрис. Несмотря на это, присутствие матери в колледже вызывает у Беатрис неприятный холодок в животе – совсем как в те времена, когда Эдит Спаркс возвращалась домой после предвыборной кампании или заключения в Холлоуэе. Беатрис тогда пряталась от маминых внезапных перепадов настроения у себя в комнате, перечитывала «Приключения Тома Сойера» и представляла себя героиней, переживающей вместе с Гекльберри Финном все эти захватывающие перипетии.

Мама наверняка постарается изобразить безразличие, однако Беатрис понимает, как много значит для нее этот день. Но знает она и то, что за пределами Сент-Хью жизнь идет своим чередом. Матери рожают, горничные убирают, вдовы плачут, жены ходят за покупками, официантки обслуживают клиентов, а дочерям велят сидеть тихо. Большинство ее ровесниц не осознают значения этого дня. Он – лишь еще одна крошечная песчинка в ведре прогресса. Вот уже и донышко почти покрыто.

Когда мать Беатрис выходит вперед, в толпе воцаряется тишина. Эдит Спаркс начинает свою речь, только убедившись, что к ней приковано внимание всего зала. Она отлично умеет управлять аудиторией.

– Я часто спрашиваю себя, – говорит она, – если бы женщин всегда учили рисовать, лепить, издавать книги, составлять отчеты, писать, считать, переводить, экспериментировать – в каком мире мы жили бы сейчас? И сможем ли мы когда-нибудь узнать о вкладе женщин в великие научные и культурные достижения прошлого? Что нам известно о женщинах, которые выслушивали, редактировали, советовали, вдохновляли, записывали, помогали знаменитым мужчинам? О женщинах, которые были вычеркнуты из истории, вклад которых не признан и не оценен по достоинству? Я хочу сказать, что страна становится по-настоящему демократической только тогда, когда всем ее гражданам предоставляются равные возможности на самом высоком уровне.

Зал взрывается аплодисментами. Дора подталкивает Беатрис локтем, а Марианна ловит ее взгляд и сочувственно улыбается. Эдит, безусловно, фигура мощная, ей ничего не стоит воодушевить полный зал женщин. К участницам чаепития она обращается с такой же страстью, с какой взывала бы к работницам на Гайд-парк-корнер.

– Впервые у нас в парламенте есть женщина, к тому же разведенная. Женщины уже дважды получали Нобелевскую премию. И все же до сих пор находятся мужчины – уважаемые врачи, – которые утверждают, что женщины слишком эмоциональны, неспособны к рациональному мышлению, что их внутренние органы могут самовоспламениться, если женщины посмеют слишком глубоко задуматься над решением уравнения.

Зал разражается хохотом. Отто, стоящая у дверного косяка со скрещенными на груди руками, подмигивает Беатрис и изображает, как у нее взрывается живот.

– Да, страна сделала шаг вперед, но какой позор, что для этого понадобилась война. Факт очевиден: мужчины – большинство мужчин – хотят, чтобы мы оставались в подчиненном положении. – Эдит делает паузу, и аудитория кивает в знак согласия. – Женщины вашего возраста до сих пор не могут голосовать. А работницы теперь вынуждены уступать вернувшимся военным свои рабочие места. Места, на которых им платят меньше, чем их коллегам-мужчинам.

Беатрис слушает эту речь уже не в первый раз. Она знает, что мать, все сильнее распляясь, вот-вот начнет брызгать слюной. Беатрис пристально смотрит на подбородок Эдит. Он нависает над складкой под челюстью, которая подрагивает, когда мать говорит. Слегка отвисшая верхняя губа закрывает верхние зубы. На висках вьются пряди волос – белые, седые. Мать до сих пор носит корсет – по привычке и из кокетства, хотя и говорит, что это полезно для позвоночника. Беатрис уважает ее политические взгляды, но больше не видит в ней той яркой личности, перед которой преклонялась в детстве, той, которой сейчас очарованы эти ряды запрокинутых лиц, полных надежды. За ней они не разглядят женщину, которая то отвешивает слугам оплеухи, то балует их – в зависимости от того, выпалась она сегодня или нет. Женщину, которая постоянно говорит так громко, будто у нее что-то со слухом. Женщину, которая за завтраком не даст дочери спокойно съесть тост, не спросив: «Зачем сразу два, Беатрис, зачем?» Женщину, которая выражает удивление, что дочь приняли в Оксфорд, и требует показать письмо. Женщину, которую Беатрис одновременно любит и ненавидит, которой восхищается, которую отвергает и превозносит. Родиться у такой женщины, как Эдит Спаркс, – значит вечно чувствовать себя вымотанной до изнеможения. Ее присутствие в любой комнате ощущается так остро, что не хватает воздуха. Она настолько лишена способности выражать привязанность физически, что ты вздрагиваешь, когда она прикасается к тебе.

Хотя Беатрис училась дома – ведь закрытые школы не способствуют свободомыслию, – она привыкла не видеть мать по несколько недель кряду. Вспоминая гостиную в Блумсбери, она представляет себе отца с газетой, который вслух читает ей выдержки. Сейчас она поднимает глаза и видит его. На его лице написан такой восторг, будто он слышит эту речь впервые.

7

Беатрис, июнь 1912 года
**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ СУФРАЖИСТСКИХ ОБЩЕСТВ, ОКСФОРДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ**
МЕМОРИАЛ МУЧЕНИКАМ, 21 ИЮНЯ 1912 ГОДА, В 2 ЧАСА ДНЯ

Для поддержания порядка на этом собрании необходимо, чтобы БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ПУБЛИКИ соблюдала ПОЛНУЮ ТИШИНУ.

Если кто-то будет перебивать, не оборачивайтесь.
НОЛЬ ВНИМАНИЯ.

Беатрис до глубины души взволнована тем, что мать хочет видеть ее на сегодняшнем митинге, где будут выступать Сильвия Панкхёрст, Дороти Петик и Мод Ройден²⁴. Это важный день для женщин Оксфорда, и лондонцы должны выразить им свою поддержку – в том числе и дети. Беатрис, которой на прошлой неделе исполнилось тринадцать, с гордостью входит в здание Паддингтонского вокзала рука об руку с матерью, у всех на виду. И так ли важно, что при этом ее щиплют за руку и велят (шепотом) закрыть рот, если она не хочет выглядеть дурочкой.

Хотя в состав группы входят еще три дочери, Беатрис единственная удостоилась путешествия в обитом кожей купе первого класса. Она сидит отдельно от матери, но время от времени слышит ее разносящийся по всему вагону звонкий смех, напоминающий звук кларнета.

В ее купе оживленно беседуют две волонтерки из Женского социально-политического союза. Им поручено присматривать за Беатрис, однако они не обращают на нее никакого внимания. Мужчина, сидящий напротив, выразительно цокает языком за своей газетой, когда женские голоса переходят в визг. Беатрис оправляет на себе новое платье невыносимо яркого аквамаринового оттенка. Оборки, которыми отделаны подол и рукава, такие неуклюжие и пышные, что кажутся отлитыми из свинца.

Погода стоит на редкость жаркая, поэтому они берут такси от вокзала до центра Оксфорда. Сегодня день летнего солнцестояния, и мама говорит, что это очень символично.

– Нужно, чтобы все женщины увидели свет. Чтобы они открыли глаза и начали действовать. Если мы будем стоять в стороне, то ничего не изменится. Понимаешь?

– Понимаю, – говорит Беатрис. Ей хочется, чтобы все видели: эта девочка – нет, женщина – готова действовать.

Громадная толпа собралась там, где широкая улица сужается и раздваивается, огибая готического вида монумент. Похожий на торчащий из земли церковный шпиль, он возвышается на шестиугольном постаменте из восьми ступеней, который удобно использовать как возвышение для ораторов. Лондонская группа располагается напротив, у ограды отеля «Рэндольф». Беатрис достает путеводитель, который дал ей отец, и читает, что это Мемориал мученикам, посвященный протестантам Кранмеру, Ридли и Латимеру – их сожгли на костре неподалеку от этого места.

– Это наглядный пример того, как страх и предрассудки способны разделить то, что должно быть единым, – говорит мисс Дэвисон²⁵, аккуратно прикалывая к лацкану Беатрис

²⁴ Сильвия Панкхёрст (1882–1960) – британская суфражистка, дочь лидера британского движения суфражисток Эммелин Панкхёрст. Дороти Петик (1881–1970) – британская суфражистка, организатор Женского социально-политического союза (ЖСПС). Мод Ройден (1876–1956) – английская проповедница, суфражистка, борец за рукоположение женщин.

²⁵ Речь идет об Эмили Дэвисон (1872–1913) – британской правозащитнице, суфражистке, активистке ЖСПС, которая спустя год после описываемых событий погибла под копытами коня, выбежав во время скачек на стадион.

розетку из лент – символ Женского социально-политического союза. – К тому же тут рядом стоянка кебов.

Мисс Дэвисон, подруга матери Беатрис по колледжу Сент-Хью, приехала вместе с ними. Высокая, с вьющимися волосами, заколотыми кое-как удерживающими их шпильками, с кустистыми бровями и грустными глазами. Она всегда мила, но у нее такие тонкие губы, что их почти не разглядеть, и Беатрис никогда не видела ее улыбающейся. Каждый раз, когда мисс Дэвисон разговаривает с ней, кажется, будто она в это время думает о чем-то своем.

– Я говорила твоей маме: любому делу необходим мученик, – рассказывает мисс Дэвисон сквозь шум толпы. – Кто-то, кого и через триста лет будут помнить. Это единственный способ добиться серьезного отношения к себе.

– Не забивай ей голову, Эмили, ей же всего тринадцать. – Мать поворачивается к Беатрис: – Мисс Дэвисон решила попробовать себя в роли мученицы, спрыгнув с тюремной ограды, но застряла ногой в решетке и отделалась огромной шишкой на голове. Очень глупо. – Она гладит мисс Дэвисон по щеке тыльной стороной ладони. – Мы должны быть бойцами, да. Но самоубийцами? Ни в коем случае.

Беатрис знает: мисс Дэвисон только что отбыла шестимесячный срок в тюрьме Холлоуэй за поджог почтового ящика, а в день переписи она спряталась в чулане в парламенте. Мисс Дэвисон работала учительницей, чтобы скопить денег на триместр в Сент-Хью, где и получила первую степень по английской литературе, хотя никакого диплома ей, конечно, не полагалось. Странно, что в других английских университетах женщинам дают дипломы и ученые степени. Наверное, Оксфордский университет считает, что может поступать как ему заблагорассудится, потому что он старше Англиканской церкви. Однако сегодня речь пойдет не о дипломах. Они собрались здесь потому, что все женщины должны иметь право голосовать по вопросам, касающимся их самих и их семей. Мама говорит, что их обязанность – встать на защиту женщин, которые не могут сами постоять за себя. Бездействие – это трусость.

– Мисс Журден здесь, в мантии, и мисс Роджерс тоже.

– Замечательно, – отзывается мама, как всегда воодушевленная собравшейся вокруг толпой. Она пожимает тонкую белую руку мисс Дэвисон, а затем бросает взгляд на Беатрис. – Жди здесь и позаботься о мисс Дэвисон, ей нужно отдохнуть. Я вернусь через минуту, – говорит она и, протиснувшись боком между двумя зрителями, исчезает.

Беатрис думает: может, будь она более интересной личностью, мама не исчезала бы так часто? Может, тогда она обращалась бы с Беатрис так же, как с мисс Дэвисон: спрашивала бы, как она себя чувствует, о чем думает, пожимала бы ей руку?

На улицах и тротуарах уже теснятся сотни людей. По словам мисс Дэвисон, не меньше тысячи. Толпа запекает «Марш женщин», и, как ни расстроена Беатрис тем, что она недостаточно хороша для своей матери, она тоже ощущает душевный подъем. Женщины-активистки, суфражистки, одеты в белые блузки и юбки, в летние шляпки, украшенные так, словно дамы собрались на пикник в саду. У некоторых в руках целые охапки цветов; аромат китайских лилий, пионов и жасмина витает в воздухе. К блузкам приколоты ленточки, розетки, медали, над головами развеваются фиолетово-бело-зеленые флаги. На других – студенческие мантии или красно-зеленая одежда не воинствующих суфражисток. Мать и дочь, накинув на шею объемные хлопковые сумки, достают из них и раздают листовки, призывающие зрителей не обращать внимания на тех, кто нарушает порядок на митинге, хотя подобное кажется Беатрис почти невероятным – настолько дружелюбная атмосфера царит вокруг. Усатые бобби²⁶ в касках и ботинках на толстой подошве прогуливаются по периметру, сверкая пуговицами. Раскрасневшиеся от полуденного солнца, они приветливо кивают.

²⁶ Бобби – прозвище полицейских в Англии. Произошло от имени Роберта (Бобби) Пиля, основателя лондонской полиции.

Стоящие парами мужчины с кожаными ремнями на бедрах поднимают огромные знамена с золотыми кистями. Беатрис хорошо знакомы начертанные на них аббревиатуры: дома их подают на завтрак, на обед и на ужин. Ее любимое – знамя оксфордского отделения ЖСПС с вышитым портретом Эммелин Панкхёрст. Ее лицо смотрит с высоты в три фута, а под ним видны слова: «Спасительница женщин». Держат люди и плакаты попроще – грубо нарисованные красками на квадратах выбеленного дерева. «Право голоса для женщин», «Не слова, а дела» – все как обычно. Один такой плакат, брошенный кем-то, прислонен к ограде неподалеку. Перевернутая вверх ногами надпись гласит: «Фортуна благоволит храбрым». Беатрис подмывает поднять плакат, но она не рискует – мама часто жалуется, что эти доски оставляют занозы.

В море женских голов мелькают канотье, котелки и кепи. Беатрис с грустью думает об отце, которому было велено сегодня не появляться. Он предлагал снять номер в отеле «Рэндольф», чтобы дочка могла наблюдать за происходящим из окна, но матери эта идея не понравилась.

* * *

К полудню цветы начинают буреть и увядать, и общий пыл слегка угасает под июньским солнцем. Мисс Дэвисон отправляется в отель на поиски воды и уборной. Беатрис присаживается на край тротуара, но ее беспрестанно задевают то сумки, то юбки, а один раз даже, кажется, замахнувшийся кулак. От земли поднимается удушливый жар, пахнувший нагретой кожей, навозом, бензином. Беатрис возвращается в безопасное место, к ограде отеля, и прислоняется к ней спиной. У нее болят ноги, и маму она не видела уже несколько часов. Впервые она жалеет о том, что пришла сюда.

Беатрис с изумлением видит, что студенты из колледжа Баллиол пытаются мешать выступающим. Из окна по другую сторону улицы несется оглушительная граммофонная музыка, а молодые люди бросают в толпу кусочки рафинада. Кто-то выдувает нестройные ноты из трубы, выглядывающей из-за штор, а несколько человек забрались на ступеньки мемориала и пытаются «выкурить» оттуда ораторов, дымя трубами. Мисс Дэвисон все не возвращается, но вскоре Беатрис замечает ее в толпе – они с мамой стоят рука об руку. Женщины смыкают ряды. Беатрис надеется, что скоро можно будет уйти домой.

К тому времени, когда на ступени мемориала поднимается Сильвия Панкхёрст, атмосфера уже накалена. Беатрис вздрагивает, видя, как из дальнего круга толпы в спины женщин, стоящих в центре, летят мелкие камешки. Женщины поначалу держатся стойко. Беатрис встревоженно оглядывается в поисках матери и мисс Дэвисон, но их нигде нет. Группа молодых мужчин, мускулистых, в распахнутых рубашках и брюках на подтяжках, пробивается сквозь толпу, расталкивая локтями женщин с такой силой, что те шатаются, будто кегли. Это рабочие, возвращающиеся с ночной смены – может быть, с железной дороги. Они так и кипят неприкрытой яростью. Возникают стычки: протестующие начинают толкаться в ответ. Полицейские наблюдают за этим, однако ничего не предпринимают. Беатрис вновь оглядывается по сторонам в нарастающей панике. Внутри у нее все сжимается. Она одна-одинешенька у этой ограды. В голове мелькает мысль: не уйти ли в отель, как предлагал отец? Но она не может заставить себя оторвать ноги от тротуара.

– Почему фабричная работница должна получать за ту же работу меньше, чем ее муж, а придя домой, приниматься за другую тяжелую работу по хозяйству, когда его рабочий день закончен? – взывает мисс Панкхёрст. – Почему она не должна иметь возможности голосовать за тех, кто сделает ее жизнь и жизнь ее детей лучше?

Она спокойна и серьезна – опытный оратор. Беатрис слушала ее уже много раз. В голосе мисс Панкхёрст слышатся мягкость и вежливость, которые обычно успокаивают Беатрис, но сегодня – нет.

Насмешки становятся все громче:

– Что вы знаете о тяжелой работе?

– Иди домой к своему женатику, потаскуха!

– Домой, сучка!

С тротуара Беатрис видит размахивающие руки, слышит приглушенные крики и вопли. Кровь отчаянно стучит в ушах. Она оглядывается, ища глазами мисс Дэвисон или мать, но не видит никого из тех, кто ехал с ней в поезде. Тогда она вжимается спиной в ограду, вцепившись руками в железную перекладину, словно прикована к ней наручниками. В толпе поднимается паника, люди разбегаются в разные стороны. Двое мужчин взбираются на ступени мемориала и срывают розетки с груди женщин, застывших с раскрытыми ртами, – словно сердца вырывают. Мужчины хватают деревянные плакаты и швыряют их в толпу. По меньшей мере две женщины падают, истекая кровью. Раздаются крики, протестующие разворачиваются и бегут в сторону Беатрис – с раскрытыми ртами, поднятыми руками, удерживающими шляпки, высоко вскидываемая колени, путающиеся в длинных юбках. Беатрис крепко зажмуривается и ждет, когда эта волна захлестнет ее.

Над ней нависает тень. Совсем рядом ощущается тепло чужого тела. Табак, жир, запах мяса... Кошка, обнюхивающая мышь в мышеловке. Беатрис вся сжимается, стараясь сделаться совсем маленькой. Невидимой.

– Вот что бывает с негодными девчонками, – произносит ей в ухо чей-то возбужденный голос.

Она приоткрывает рот, чтобы позвать на помощь, но тут его накрывают мокрые губы. Оттуда вырывается тяжелое дыхание, язык тычется в самое горло, проводит по зубам... Щетина царапает ей верхнюю губу и подбородок. Беатрис задыхается, ее мутит. Чья-то рука задирает подол платья, словно ища, за что ухватиться, а затем с силой стискивает ее между ног.

И вдруг все заканчивается – так же быстро, как и началось. Беатрис, вся дрожа, открывает глаза. Мимо проталкиваются люди: кто-то кричит, кто-то всхлипывает, кто-то рыдает в голос, у кого-то кровь течет из разбитой головы или из носа. Полицейские свистят, под ногами валяются обезглавленные цветы. Беатрис стоит, замерев, может, секунду, может, минуту, а может, час. Потом кто-то берет ее за руку, говорит: «Идем, Беатрис», и вот она уже в кебе, и лошадиные копыта стучат в такт ее сердцу.

В кебе мисс Дэвисон, закрыв глаза, клонится на плечо матери Беатрис. Эдит Спаркс с покрасневшими щеками взволнованно обмахивается веером. Она что-то сердито бормочет про себя, а потом поднимает глаза на дочь.

– Отчего ты плачешь?

– Я... – начинает Беатрис.

Ей хочется рассказать матери о случившемся, но она боится, как бы самой не остаться виноватой. Она вытирает слезы подолом платья, перепачканным цветочной пылью.

– Там был один мужчина...

Ее мать вздыхает.

– Там было много мужчин, Беатрис. Мы все их видели.

– Он говорил всякие гадости...

– И?

Веер машет быстрее.

– Я не знаю...

Беатрис разглядывает собственные ноги. Туфли облеплены увядшими коричневыми лепестками. Тут кеб дергается, и мать чуть не падает вперед. Они с Беатрис сталкиваются коленями.

– Бога ради! – рявкает мать, и лицо ее искажается в гримасе. – Ты хоть понимаешь, сколько с тобой сегодня было мороки? Зря я тебя с собой взяла.

Затем она поворачивается к мисс Дэвисон и принимается говорить с ней тихим, успокаивающим голосом.

* * *

Позже Беатрис думает – уж не померещилось ли ей это все, но в своей спальне в Блумсбери, глядя в зеркало на расцарапанную губу и подбородок, убеждается в обратном. Она никому не рассказывает об этом случае. Она понимает, что мать отмахнется, как от пустяка, а то и вовсе не поверит. Или обвинит Беатрис в том, что она, как дурочка, стояла у ограды отеля «Рэндольф» и сама позволила мужчине распускать руки.

В конце концов, бездействие – это трусость.

8

Суббота, 30 октября 1920 года (третья неделя)

СТУДЕНТЕССЫ ОКСФОРДСКАЯ ШАПОЧКА И МАНТИЯ ОЧАРОВАТЕЛЬНОГО ДОСТОИН- СТВА

В Кембридже этот триместр посвящен борьбе за права женщин, пишет корреспондент, а вот в Оксфорде «студентка» – уже свершившийся факт. В любой день вы можете увидеть студенток в академическом наряде. Не только длинная мантия ученого, но даже короткая студенческая мантия наделяют женщину очаровательным достоинством. Однако по-настоящему гениальная идея – это шляпка. Не картонный квадрат, как у мужчин, а плоская, остроконечная шерстяная шапочка. Говорят, что она в точности повторяет форму головных уборов, которые носили все студенты в те времена, когда в моду еще не вошли напудренные парики. Возможно, так оно и есть; правда, кое-кто в Оксфорде подозревает, что ученые мужи руководствовались не только любовью к старине! Сзади на шапочке есть лента, напоминающая о военной форме, что, по общему мнению, выглядит очаровательно.

«Дэйли мэйл», 25 октября 1920 года

Отто сдерживает свое обещание устроить пикник в парке – правда, из-за Марианниных семейных обстоятельств приходится отложить его до субботы третьей недели.

На велосипеде, одолженном в Сент-Хью, – тяжелом, с длинным изогнутым рулем, – Марианна вынуждена сидеть, выпрямив спину и держа руки точно под прямым углом. Сиденье слишком высоко, а руль дрожит и вибрирует, отчего плечи ходят ходуном вместе с ним. Пару раз она чуть не упала, едва успев выставить ногу, и это досадно: ведь когда-то она немало поехала по деревне на отцовском велосипеде, хотя вот уже больше двух лет на него не садилась. Подол у нее испачкан маслом, чулки порваны в тех местах, где цепляются за педаль. Будет вечером забота – штопать.

– Ничего-ничего, Марианна, в Оксфорде все ездят на велосипедах.

– Смотрите вперед. Крутите педали. Рулите. Рулите!

Университетские парки занимают огромную территорию, длинная граница которой проходит вдоль реки Черуэлл. По периметру, в тени высоких вязов и ив, проложены известняковые дорожки, по которым Марианна уже несколько раз прогуливалась с Дорой ранним утром. Парки – излюбленное место отдыха горожан и студентов. Тут и там среди деревьев виднеются футбольные и крикетные поля. Победы и поражения в спортивных матчах разыгрываются над останками фермеров бронзового века, давным-давно превратившимися в дерн. Война еще напоминает о себе в дальних уголках, но и там овощные грядки постепенно становятся клумбами с розами, место в самолетных ангарах занимают газонокосилки, а прямоугольники вытоптаных лугов зарастают молодой травой.

Дора, самая крепкая из всех (еще бы, столько часов проводить в теннисном клубе), бежит рядом с велосипедом, а Отто стоит впереди, лицом к ним – оперев руки в бедра и наклонившись вперед, она пытается отдышаться. Отто с Дорой, конечно, ездят отлично, а Беатрис на другом велосипеде с победными криками выписывает по траве большие круги. В плетеной корзинке у нее лежит зеленый клетчатый плед, и она уверяет, что научиться ездить оказалось «легче легкого». Марианна же вся в поту. Копчик ноет. Чтобы поймать ритм, она вспоминает

короткое стихотворение Теннисона – единственное, что приходит на ум в ямбическом размере. На каждом ударном слоге она давит ногой на педаль.

*Он сжал утес в стальных когтях,
Застыв в лазурных небесах
Под солнцем, на глухих камнях.
Внизу морщинит грозный вал,
Но, бросив гордый взор со скал,
Он, словно молния, упал²⁷.*

Марианна стрелой летит вперед, и прохладный воздух обдаёт ей щеки.
– Держитесь, Марианна! – кричит Отто. – Держитесь!

* * *

Укротив наконец этот редкостно неуклюжий велосипед, Марианна ждет, пока ее догонят остальные. Октябрьское солнце не особенно греет, зато радует. Запах скошенной травы с влажной металлической ноткой ощущается то сильнее, то слабее. Группки болельщиков подбадривают футболистов, бегающих в новенькой, с иголки, форме; на эстраде с хрипами и визгами настраиваются духовые инструменты. Семьи гуляют с колясками, и Марианна впервые с тех пор, как уехала из дома, видит играющих малышей.

Одна девочка выделяется среди прочих. Ей лет десять, она сидит на скамейке и читает, а родители стоят у нее за спиной и взволнованно перешептываются. Даже издали Марианна видит, что мать ждет ребенка. Может показаться, что девочка с головой ушла в книгу, однако за все время она не переворачивает ни одной страницы. Изредка она поднимает голову, и на ее пухлом розовом личике отражается бессильная ярость.

Эта сцена напоминает Марианне другой октябрь – тогда, десять лет назад, ее отец начал подумывать о новой женитьбе. Пока он распивал чай с эффектной молодой вдовой, миссис Крессвелл, Марианна искала себе товарищей среди других детей, тоже оставшихся без матери, вроде Пипа Пиррипа и Оливера Твиста²⁸. Теперь, задним числом, Марианна понимает, что из миссис Крессвелл, получившей образование в Гиртоне, вышла бы прекрасная пасторская жена, но тогда она была вне себя от ярости и негодования. В ее представлении вдова сошла прямиком со страниц Диккенса: злобная чужачка, безжалостная тиранка, которая наверняка с ходу заведет разговоры о закрытой школе. Однажды, в попытке отпугнуть гостью, Марианна приволокла к столу кроличий череп с кишасшими в нем червями, но это только раззадорило миссис Крессвелл. После этого Марианна стала демонстративно уходить с книжкой на могилу матери, не желая сидеть дома за чаем с двумя благовоспитанными одинокими взрослыми.

К Рождеству отец оставил эту идею. Сердце его к ней не лежало – по крайней мере, так хотелось думать Марианне, – и миссис Крессвелл перестала их навещать. Поначалу она еще писала им, но переписка оборвалась, когда она вышла замуж за миссионера и уехала в Индию. Не будь Марианна такой эгоисткой, все могло сложиться иначе, и отец сейчас был бы не одинок. А теперь единственное, что осталось хранить преподобному Грею, – тайна его дочери.

В конце концов девочке велят захлопнуть книгу, и она неохотно плетется за родителями к эстраде. Марианна отводит взгляд и видит, как по парку движется группа выздоравливающих офицеров в инвалидных колясках, – видимо, вышли на прогулку из близлежащего Рэдклиффского лазарета. Все они одеты в больничную одежду: однобортные мундиры, красные

²⁷ Стихотворение «Орел» английского поэта Альфреда Теннисона. Перевод Александра Лукьянова.

²⁸ Филипп (Пип) Пиррип и Оливер Твист – мальчишки-сироты, герои романов Чарльза Диккенса.

галстуки, белые рубашки, начищенные туфли (у кого-то одна), полковые фуражки и медали. Когда они оказываются ближе, Марианна замечает среди них паренька с прыщиками на лбу и мягкой полоской усов. Он похож на малыша в школьной форме; штанины его брюк аккуратно подвернуты и заколоты под короткими культиями. У другого нет рук, а по всей груди, над сердцем, тянется ряд медалей – будто клавиши пианино. У некоторых мужчин нет явных физических повреждений, однако они безучастно смотрят прямо перед собой, и при виде этих молчаливых фигур с тусклыми глазами сердце у Марианны щемит сильнее всего. Медсестры – молоденькие, в накрахмаленных вуальках и саржевых накидках, развлекают раненых веселой бессодержательной болтовней. Марианна невольно задумывается, почему за этими мужчинами не ухаживают дома жены или матери? Но тут же напоминает себе, что не ей об этом судить.

Сопровождающая, мисс Страуд, тоже идет по парку. Ее присутствие – требование директрисы, давшей разрешение на эту прогулку. Мисс Страуд, коренастая насупленная женщина лет шестидесяти, напоминает Марианне линкор, заходящий в порт: такая же нудно-скрипучая и при этом неутомимая. Девушки, снова собравшись вместе, направляются к реке, не дожидаясь, пока их догонит темная массивная фигура мисс Страуд. Они выбирают местечко на берегу, на достаточном расстоянии от Парсонс-Плежер, где аристократы купаются голышом. Марианнин отец одобрил бы такое. Церковь Святой Марии расположена в излучине Темзы, и он сам за четверть века своего священства купался голышом много раз.

Положив велосипеды на землю, девушки расстилают плед и усаживаются лицом к реке. Обед для них приготовила Мод. Служительница, несмотря на свой хмурый вид, с видимым удовольствием выполняет поручения Отто, за что получает недурную плату. Девушки едят вареные яйца и бутерброды с ветчиной (свежей ветчиной!), пьют родниковую воду в бутылках, привезенную из Дербишира. Смотрят на лодки, посмеиваясь над парнями, которые никак не могут освоить греблю шестом. Хитрость, очевидно, заключается в том, чтобы быстро вытянуть шест из воды, а затем снова опустить и оттолкнуться. Марианна, выросшая у реки, умеет гребсти веслом, но шест – совсем другое дело. Это не просто вид гребли, это одна из уникальных примет Оксфорда. Сотни лет студенты здесь гоняют на лодках, отталкиваясь палками, и улыбаются хорошему девушкам.

Словно в доказательство этого очередная лодка едва не опрокидывается, когда гребцы вскакивают на ноги и комично кланяются Отто и Доре. «Каково это – иметь лицо, которое привлекает других?» – думает Марианна. Наверняка красивым людям жизнь дарит множество дополнительных возможностей.

Наблюдение за спортсменами прерывается нестройными криками за спиной. Обернувшись, Марианна видит мисс Страуд, замершую в нескольких футах от раненых офицеров. Один из них поднялся на нетвердых ногах со своего кресла и теперь стонет и кричит, держась за голову. Мисс Страуд стоит бледная, с приоткрытым ртом. Медсестра выставляет вперед ладонь, делая ей знак не двигаться. Мужчина срывает с себя галстук – дергает его в разные стороны, пока тот не остается в руке. Затем скидывает мундир. Пуговицы рубашки разлетаются в разные стороны, когда он распахивает ее, будто крылья. Девушки смотрят на это в безмолвном ужасе. Кто-то из пациентов смеется и отпускает язвительные шуточки. Сестры умоляют раненого остановиться, но их голоса рассыпаются эхом, не долетая до берега реки. Они пытаются взять его под руку, но он, очевидно, столь же силен, сколь и несговорчив. Брызгая слюной, он выкрикивает в небо невнятные проклятия. Стягивает брюки, с размаху перебрасывает их через голову, а затем выскакивает из нижнего белья. Ботинки с тяжелым стуком падают на траву. Тело у него худое, но безупречно сложенное, безволосое, если не считать темного пушка вокруг гениталий. Крики сменяются пением, но слов песни не разобрать – какая-то бессвязная тарабарщина. Оставшись в офицерской фуражке и носках, раненый почесывает живот и опускает взгляд на свой бледный член. Тот вначале висит вяло, но затем напрягается. Мужчина мочится по идеально ровной дуге, моча льется толчками – темная, теплая, как чай

из чайника. Вокруг уже собралась толпа зрителей. Некоторые медсестры стоят в слезах, кто-то из больных, сидящих в креслах, аплодирует. Ровная янтарная струя ударяет в землю у самых ног мисс Страуд.

На мгновение Марианна забывает, где она. Ей вспоминается король Лир, срывающий с себя одежду среди бушующей бури: «Прочь, прочь, все чужое!» Затем в памяти всплывает ночь прекращения огня: гнутая монетка луны отражается в воде, руки упираются в грубую ткань, пуговицы вдавливаются в щеку...

– Травма головы, – говорит Отто, отворачиваясь, но Марианна слышит, что голос у нее вот-вот сорвется, и видит ее стеклянно-влажные глаза.

– Боже мой, да будет ли этому когда-нибудь конец? – восклицает Дора. Она засовывает костяшки пальцев в рот, и плечи у нее начинают вздрагивать.

– Не смотрите туда, милая. – Отто похлопывает Дору по руке.

– Может, пойти помочь? – предлагает Беатрис, поднимаясь на ноги.

Марианна встает следом, но помочь тут нечем.

Они видят, что на подмогу медсестрам приходят двое молодых студентов. Они хватают раненого и держат. Тот вырывается, машет руками и попадает одному из них по лицу, разбивая ему нос в кровь. Студенты кричат своим приятелям, те подбегают, и наконец раненый без сил падает обратно в инвалидное кресло. На него натягивают мундир, а нижнюю часть тела укрывают одеялом. Порядок восстановлен, и после этой санитарной процедуры день возвращается в состояние равновесия. Калеки с помощью сестер, катящих кресла, покидают парк. Ничего не заметившие гребцы все так же гоняют лодки вдоль берега. Вороны все так же кружат в вышине.

С минуту все молчат.

– Журден это не понравится, – замечает наконец Отто. – «Я вами очень недовольна, леди. Я не давала никому разрешения смотреть на пенисы!»

– Я вот посмотрела и теперь склоняюсь к тому, что мраморные мне как-то больше по душе, – отзывается Беатрис.

Отто, развеселившись, хлопает в ладоши.

– Умора с вами, Спаркс! Правда? До сих пор ни разу не видели? – Она поворачивается к остальным: – А вы?

Дора сморкается.

– Конечно. У меня ведь есть младшие братья.

– Мне тоже не впервой, – говорит Марианна. – Только, пожалуйста, не спрашивайте.

Все три девушки удивленно переглядываются, и на душе у Марианны неожиданно становится легче.

– Неужели я одна такая? – спрашивает Беатрис.

– В кои-то веки Беатрис знает о чем-то меньше, чем остальные. Бывают в жизни огорчения, Спаркс, – усмехается Отто.

– Бедная мисс Страуд! Я должна подойти к ней, – говорит Марианна, но тут же на нее нападает смех.

Это какой-то совершенно неудержимый рефлекс – словно в организм проникла частичка того безумия, которому она только что была свидетельницей. Подруги смотрят на нее как на сумасшедшую, а потом тоже начинают смеяться. И вот уже все они заходятся в безудержном, истерическом, захлебывающемся, мучительном, щекочущем горло смехе.

* * *

К тому времени, как мисс Страуд подходит к расстеленному для пикника пледу, девушки уже сыты. Смущенные тем, что не подошли к ней, они суетливо, путано бормочут извинения. Дора смотрит, как их сопровождающая неловко усаживается на землю в своем корсете и ста-

ромодных юбках, и ей становится стыдно: они не догадались захватить с собой что-нибудь, на что она могла бы сесть. Платье мисс Страуд спереди все заляпано темными влажными пятнами мочи. От нее исходит слабый запах аммиака.

– Дать вам воды, мисс Страуд? – спрашивает Дора.

Руки у мисс Страуд дрожат. Серебряная булавка с головкой в виде цветка барвинка, приколотая к ее плечу, выскальзывает и падает на плед, похожая на какого-то экзотического муравья.

– Простите, если мы... – начинает Беатрис.

– Когда-то и я была молода. Считала, что только мой взгляд на мир имеет значение. Что я особенная, – фыркает мисс Страуд.

Дора косится на Отто – та закатывает глаза.

– Вы, возможно, смотрите на меня с жалостью, но и я смотрю с жалостью на вас. Поколение, придавленное виной, раненое поколение... – Мисс Страуд достает из сумочки носовой платок и сморкается. – Грустно, очень грустно.

– Жаль, что так получилось с вашим платьем, – вставляет Дора.

– Мы не над вами смеялись, мисс Страуд, уверяю вас, – поспешно добавляет Беатрис.

– Хотите чего-нибудь поесть? – спрашивает Марианна.

Меж тонких бровей мисс Страуд блестят бисеринки пота.

– Я ничего не хочу.

– Кажется, пора домой. – Марианна глядит на Дору, та пожимает плечами.

Отто пинает плед.

– Ну вот еще, – говорит она. – Мы же всего час назад пришли.

– Действительно, пора. Помогите мне подняться. – Мисс Страуд вытягивает руки, напоминая портновский манекен.

Дора с Марианной вдвоем ставят ее на ноги. Мисс Страуд вытирает глаза и лоб платком, нащупывает свою сумку и, шаркая ногами, идет прочь через парк.

– Она расстроилась. Пойдемте лучше за ней, – предлагает Дора, убирая еду.

То, что сказала мисс Страуд, – это же правда? Они все искалечены. Но она не может позволить себе думать так, иначе просто сойдет с ума. К тому же всегда есть кто-то, кому еще хуже. Какое право она имеет жалеть себя? Нужно сказать спасибо, что не сидит в инвалидном кресле. И все же хорошо бы однажды взглянуть на небо, на картину, на цветок и полюбоваться ими просто так, не испытывая ни ужаса, ни стыда. Но в этом дивном новом мире, как она успела понять, чувство вины растворено повсюду, неотвязное и неизбежное, как воздух.

– Завидует, ведьма старая, – ворчит Отто, хватая плед за один угол.

Серебряная булавка отлетает к кромке воды.

– Булавка... – охает Дора.

– Да бросьте вы ее, – рявкает Отто.

Зубы у нее так крепко сжаты, что на щеках подрагивают мускулы. Она поднимает с земли велосипед, запикивает плед в корзинку и стремительно катит прочь. Дора торопливо обшаривает высокую траву в поисках булавки, но не может ее найти. Она не понимает, почему Отто так расстроилась из-за преждевременно закончившейся прогулки, но собирает свои вещи и спешит за ней.

* * *

После ужина они снова, как обычно, собираются в комнате Отто.

– Думаю, мы все заслужили по бокальчику, – говорит Отто, подавая шампанское на изящных стеклянных блюдах.

Никто не отказывается, хоть это и против правил. Выпивают по бокалу, по второму... В общем, пьют и пьют, почти без разговоров, и Дора чувствует, как приятно тяжелеют язык и нижняя челюсть.

Молчание нарушает Марианна:

– Я никак не могу перестать думать об этом бедняге.

Она морщится, делая глоток, но пить не перестает.

– А с виду был совершенно нормальный, – замечает Беатрис. Она сидит на полу и листает журнал «Пан». – Мозг – такая странная, хрупкая штука. Мой отец читал статью о человеке, у которого после войны развилось отвращение к газетам. Чуть только в руки возьмет или запах почувствует, как его дрожь пробирает от страха.

– Наверняка и с телеграммами бывает то же самое, – говорит Дора, и, хотя перед глазами у нее тут же встает образ матери в холле Фэйрвью, прижимающей к груди телеграмму, на этот раз она ничего не чувствует. Какое же облегчение – вырваться из дома после этих двух лет, разговаривать с женщинами, которые ее всерьез слушают, которые смотрят на мир совершенно иначе, чем ее мать.

– Жизнь ужасно коротка, а человеческое тело такое непрочное. Удивительно, что мы вообще еще здесь, – добавляет она, проводя указательным пальцем по выгравированному на бокале греческому меандру. Кончик пальца покалывает.

Отто поворачивается к ней, прищурившись.

– Что там происходит в вашей невозможно очаровательной головке, Гринвуд?

– Вы не беспокоитесь о том, удастся ли вам выйти замуж? – спрашивает Дора. – Моя мать только поэтому и согласилась отпустить меня сюда – потому что здесь мужчин больше, чем женщин. Сказала, что это мой последний шанс.

Этот невысказанный вопрос, долго висевший между ними, постоянно тяготил ее – и шампанское, кажется, заставило его вырваться наружу.

– Я и не хочу, – отвечает Марианна. – Теперь уже не хочу.

– Я уж лучше не выйду замуж вовсе, чем свяжу жизнь с каким-нибудь идиотом, – заявляет Отто, откинувшись в кресле, запрокинув голову и закрыв глаза.

– Если я не выйду замуж, мне придется жить с родителями, а когда они умрут, близнецы не захотят терпеть меня в доме, – вздыхает Дора.

Отто поглаживает ее по подбородку.

– К тому времени у вас уже борода вырастет.

– Не могу я жить с мамой. Не могу, и все, – признается Дора.

– По статистике, две из нас останутся старыми девами. Но я не думаю, что это будете вы, Дора, – искренне говорит Беатрис. – Слишком уж вы... цветущая.

Остальные раздражаются смехом.

– Цветущая или нет, но, если верить газетам, мне одна дорога – миссионером в одну из колоний, – отвечает Дора.

– В Канаду, – добавляет Марианна и тихонько икает.

– Вам не обязательно жить с родителями, вы можете делать все, что захотите. Работать, снимать комнату, самостоятельно оплачивать свои счета. – Беатрис растягивается на полу и подкладывает под голову бархатную подушечку с бахромой. – В Лондоне многие женщины...

– А я не хочу быть независимой женщиной, – перебивает Дора. – Я хочу быть матерью, женой, хочу иметь большой уютный дом.

– Учительницей, – вставляет Марианна. – Таков мой план. У нас ведь не вечно будет пасторский доход.

– Дора, вы можете жить со мной, – предлагает Отто. – Две старые девы, поселимся в избушке в чаще леса и будем пугать детишек своим неприглядным видом.

– Да, Отто, уж вы-то такая неприглядная, смотреть жалко, – замечает Дора.

Отто посылает ей воздушный поцелуй.

– Беспокоиться надо о таких женщинах, как Мод, вот о ком, – говорит Беатрис.

– Мод тоже может поселиться с нами в избушке, – фыркает Отто.

Дора встает и тянется к бутылке, стоящей на каминной полке.

– Знаете, меня здесь не было бы, если бы мой брат остался жив. Папа и думать бы об этом не захотел, но гибель Джорджа совсем его подкосила, – говорит она, неумело наливая себе шампанское. – Как же меня злят эти правила: в комнаты можно заходить только братьям, только братья могут покатать девушку на лодке. У нас больше нет никаких братьев, черт возьми, и даже если бы мой брат захотел зайти ко мне в комнату или покатать меня на лодке, то катать было бы некого – меня здесь не было бы.

– Сядьте-ка, Гринвуд, пока не упали. – Отто усаживает ее рядом с собой на ковер.

– Мы должны использовать все возможности. Это все, что в наших силах, – говорит Марианна.

Отто заглядывает в коробку из «Селфриджес», выложенную черной папиросной бумагой, и достает оттуда расшитое бисером зеленое платье без рукавов, с глубоким V-образным вырезом и заниженной талией.

– Как вам?

Дора поглаживает слои изумрудного шелка и шифона.

– Наряд для модной красотки, – говорит она, зарываясь лицом в ткань. Материя пахнет сандалом, ванилью и деньгами.

– Возьмите, примерьте, завтра назад принесете. – Отто бросает ей платье.

Дора знает: ее мать пришла бы в ужас, узнав, что она надела на себя чужую одежду, но ее порядком утомили эти скучные провинциальные правила. Все чаще она задается вопросами: что сказала бы Отто, что сделала бы Отто? Отто – вот мерило того, на что способна новая Дора. Отто не из тех, кто живет прошлым.

– Сейчас же и примерю!

Дора с гримаской осушает бокал, идет в соседнюю комнату, стаскивает с себя юбку и блузку и накидывает платье через голову. Оно сползает вниз и застревает на бедрах. Дора пытается стянуть его тем же путем, но слои ткани путаются, бусины царапают нос и подбородок. В темноте она не может найти пуговицы. Что-то – может, как раз пуговица – зацепилось за волосы. Дора теряет равновесие и, вскрикнув, падает на кровать. Лежит, дыша сквозь ткань, пока комната не перестает раскачиваться.

Она – ярко-зеленая бабочка в коконе, переживающая метаморфозу. Но где же все-таки эти чертовы пуговицы?..

– Ну же, Гринвуд, дайте нам взглянуть, – доносится откуда-то издалека голос Отто.

– Целую вечность вас ждем, – вторит ей Беатрис.

«Влипла, влипла, влипла», – напевает про себя Дора. Через несколько мгновений ее грезы прерывают чьи-то руки, осторожно ощупывающие кокон снаружи.

– Не шевелитесь, – говорит Марианна. – Тут придется повозиться.

Пятница, 5 ноября 1920 года (четвертая неделя)

ДЕНЬ ГАЯ ФОКСА СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ ОКСФОРДА

Впервые с 1914 года 5 ноября была предпринята попытка возродить традиционные оксфордские встречи студентов с горожанами. С семи утра толпы людей начали собираться у Карфакса, на Корнмаркет-стрит и в Сент-Джайлс. Весьма шумные сцены можно было наблюдать на Хай-стрит, где развели костер и сожгли «Гая».

Из окон домов по обеим сторонам Хай-стрит запускали фейерверки, и движение на какое-то время почти остановилось. Из колледжа вынесли кресло, которое затем сожгли в присутствии огромной толпы. Студенты заполнили рестораны. Девушка в розовом шарфе на балконе отеля «Корнмаркет» привлекла к себе всеобщее внимание, и ей предложили произнести речь о дипломах для женщин.

Немецкую пушку, подаренную городу и установленную в Ботаническом саду, сняли с постамента и триумфально покатали по Хай-стрит. Тогда полиция обратилась к студентам с призывом «вести себя пристойно» и вернуть пушку. Они подчинились и помогли полицейским протащить ее по Хай-стрит, а потом вкатить во двор колледжа Магдалины. Там она и осталась.

«Оксфорд кроникл», понедельник, 8 ноября 1920 года

В пятницу четвертой недели Отто просыпается от стрельбы в ухо. Вскоре приходит и боль, отдающая от коренного зуба в десну, в челюсть и в шею. Она вспоминает, что накануне почувствовала, как во рту что-то треснуло, когда она жевала кусочек нуги, которым Беатрис угостила ее в кинотеатре. Спазмы во время месячных – ничто по сравнению с этой мукой. Больше никогда в жизни она не будет жаловаться на менструации! Отто подбирает с пола вчерашнюю одежду и влезает в нее. На столе лежит незапечатанный конверт, адресованный ей. Она вытряхивает из него содержимое. Это записка от мисс Журден – она просит Отто передать друзьям и родственникам, чтобы они пореже звонили в колледж. Даже смять ее нет сил.

Остается одно – обратиться к местному дантисту, но эта мысль приводит Отто в ужас: этак она станет похожа на их коридорную, мисс Дженкинс, у которой во рту таинственных прорех больше, чем в Стоунхендже. Вот если бы какая-нибудь из сестер – лучше всего Герти – взяла это на себя и отволокла ее к дорогому врачу на Харли-стрит... Даже маму Отто сейчас вспоминает с тоской, хотя прошло уже больше года с тех пор, как она видела ее в последний раз – на свадьбе старшей сестры. Теперь мама в Нью-Йорке, помогает Каро обустроить дом на Пятой авеню. По словам Герти, это значит, что они тратят дикое количество долларов Уоррена в Р. Н. Масу и позируют для фото на благотворительных обедах. Очевидно, Каро, с ее песочного цвета кудрями и цветистыми туалетами, – звезда Манхэттена. Та самая Каро, которая во время семейных обедов жеманничала и улыбалась, а под столом пинала Отто по ногам до синяков. Та самая Каро, которая держала кукол Отто над огнем, пока их лица не начинали стекать на каминную решетку. Та самая Каро, которая почти не замечает Отто, а если замечает, то обзывает «крыской». Для нее Америка – дом родной.

Марианне хватает одного взгляда на Отто, чтобы послать Мод за аспирином и грелкой.

– Мне просто нужно отдохнуть, – говорит Отто, но это не убеждает ни Марианну, ни ее саму.

– Дантист вам нужен, – отвечает Марианна.

Она обнимает Отто за плечи и ведет обратно в спальню, а Отто боится, как бы не заплакать. Она ни слезинки не проронила с тех пор, как ушла из волонтеров, и довести ее до слез, казалось бы, не так-то легко, но в заботе Марианны чувствуется такая нежность, что она ничего не может с собой поделывать.

Мод приносит новость: к дантисту их должна сопровождать мисс Страуд. Отто не видела ее со дня происшествия в парке и все еще не простила ей сорванного пикника, хотя, если быть честной, тот гнев, который она тогда испытала, был, скорее всего, проявлением чего-то другого. С тех пор как она сняла форму Добровольческого медицинского отряда²⁹, все, что связано с медициной, действует на нее не так, как раньше. Это трудно объяснить даже самой себе.

Мисс Страуд в нелепой коричневой шляпке, похожей на мертвого фазана, плетется вперевалку по Бэнбери-роуд – так медленно, что Марианна предлагает сесть в омнибус. Омнибус подходит, и кондуктор приглашает их подняться по лестнице. Это оказывается нелегким испытанием для мисс Страуд, потому что омнибус тут же трогается, дергаясь при переключении передач. Понятно, почему нижний этаж переполнен: на верхнем капли с нависающих над улицей деревьев летят прямо на головы, и Марианне приходится смахивать со скамейки мокрые листья. Кондуктор пожимает плечами, бросает их монеты в поясную сумку и пробивает билеты. Отто терпеть не может омнибусы. Все, которые были на что-то годны, отправились во Францию, а оттуда вернулись уже развалинами – та же история, что с мужчинами. И кому теперь охота ездить по Бэнбери-роуд в старой машине скорой помощи или в бывшей голубятне, битком набитой незнакомыми людьми, между которыми, будто вирус гриппа, витает эхо войны? Жестокая зубная боль в сочетании с выхлопными газами вызывает тошноту, и Отто, пытаясь отвлечься, сильно щиплет себя за бедро.

До Саммертауна ехать меньше мили, но Отто чувствует, как у нее дрожат ноги, когда она спускается по лестнице и, пошатываясь, выходит на тротуар. Марианна берет ее под руку. Мисс Страуд, пыхтя и охая, невыносимо медленно выбирается следом. Отто с трудом сдерживается, чтобы не ткнуть пальцем в тестообразную мякоть старушечьей щеки.

Вот наконец и кабинет дантиста. Марианна стучит в дверь узкого трехэтажного дома, и их впускает медсестра в вызывающе белом переднике. Одного ее вида и запаха лизола достаточно, чтобы Отто захотелось развернуться и начать царапать ногтями дверь, но не успевает она опомниться, как оказывается в темной приемной с зеленым линолеумом на полу. Медсестра снимает с нее пальто. Отто с трудом осознает, где находится: все кажется каким-то ненастоящим, бумажные обои словно отделяются от стен и вращаются вокруг нее. Марианна что-то негромко говорит ей, но она не может разобрать слов. Потом она ложится в кресло и вцепляется в ручки, нащупывая в коже вмятины – будто специально для ее пальцев. В голову лезут дурные мысли – те, что приходят иногда по ночам. Перед глазами мелькают синие мундиры, ржавые бинты в лотках, формой напоминающих человеческую почку, теплые судна. Вода, пролитая на подушку. Губы на ободке жестяной кружки...

– Нет, нет! – Она пытается встать с кресла.

– Не глупите, – говорит медсестра, усаживая ее снова.

– Откройте рот, – велит дантист.

Он просовывает пальцы между ее зубов и разжимает челюсти. Отто ошарашена такой вольностью. Он роется у нее во рту так, словно ищет вилку в ящике буфета. Когда волоски на его руках касаются ее губ, Отто улавливает запах карболового мыла.

– Хм, вот этот? Надвое раскололся. Придется удалять. Закись азота, пожалуйста.

За спиной у Отто слышится какая-то возня, а затем веселое насвистывание дантиста. В горле у нее пересохло, кожа на голове словно натянулась и покалывает. Хочется вскочить, убежать, но она не в силах пошевелиться.

²⁹ Добровольческий медицинский отряд – гражданское подразделение, обеспечивающее сестринский уход.

– Держитесь за меня, – предлагает Марианна, вкладывая теплую ладонь в сжимающийся кулак Отто.

На лицо опускается резиновая маска, и Отто этому рада. Она глубоко вдыхает. Во рту появляются металлический привкус и сухость, кончики пальцев покалывает так, будто они распухли. Когда маску снимают, она чувствует, как кто-то копошится у нее во рту, как костяшки пальцев проводят по зубам. Потом ее голову и плечи отрывают от спинки кресла, чьи-то руки укладывают ее ниже. Кажется, она задыхается, но, как ни странно, ее это не особенно волнует. Треск волокон, щелчок... А потом – горячая волна боли. В углу комнаты хлопает крыльями фазан мисс Страуд. А Марианна – лебедь с длинной белой шеей.

* * *

Вечером в воскресенье, когда Марианна возвращается, уставшая, после своего второго уик-энда дома, она обнаруживает у себя на столе записку от Беатрис. К ней прилагаются смородиновая булочка в бумажном пакете и банка сгущенного молока.

Мы по Вас скучали! Оставили еды на случай, если Вы проголодаетесь. Если вернетесь до девяти, приходите в комнату Отто играть в вист. Ей уже гораздо лучше, и она просит передать, что у нее есть несколько новых журналов, в том числе «Пикчер-шоу» и «Панч». Если они не в Вашем вкусе или Вы не сможете отобрать их у Доры, то знайте: я уже дочитала «Эпоху невинности»³⁰ (прелесть что такое), и теперь она в Вашем распоряжении.

Б.

Марианна тронута заботой Беатрис. Разговоры и смех подруг разносятся по всему коридору, однако она не присоединяется к ним. Ей необходимо наверстать упущенное в плане учебы и сна и к тому же провести часок-другой в спокойных раздумьях, чтобы свыкнуться с переходом из одной жизни в совсем другую.

Наутро она встречает подруг за завтраком, ожидая, что сейчас придется отбиваться от вопросов – почему у нее такой усталый вид и почему она за все выходные не прочитала ни одной страницы? Однако девушки сегодня в благодушном настроении – даже Отто, которая обычно раздражается от любой мелочи, – и делятся новостями. Мисс Бейзли перебралась в более удобный кабинет, поближе к столовой, так что ее комната теперь пустует. А еще подругам не терпится рассказать Марианне о том, как в субботу засорился туалет.

– Я грешу на Спаркс, – говорит Отто. – Система не выдержала такой нагрузки.

Беатрис фыркает от смеха.

– Я же вам объясняла – я готовилась к дебатам с Норой в комнате отдыха.

– Нам пришлось идти в седьмой коридор, – шепчет Дора. – Ужас.

– Айви Найтингейл у себя в комнате целый день ходит в красном клетчатом переднике, – говорит Отто.

Дора наклоняется ближе:

– Оказывается, она устраивает ежедневные чаепития и на студенческой кухне готовит для своих гостей тосты с анчоусами. С виду и не подумаешь, что она изучает гуманитарные науки – самую трудную специальность.

³⁰ «Эпоха невинности» – роман американской писательницы Эдит Уортон, вышедший в 1920 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.